

ПАВЕЛ АСТАХОВ

НА ОСНОВЕ РЕАЛЬНЫХ СОБЫТИЙ

НАСЛЕДНИКИ

СОВРЕМЕННЫЙ РОССИЙСКИЙ ДЕТЕКТИВ

Адвокат Артем Павлов

Павел Астахов

Наследники

«ЭКСМО»

2021

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-4

Астахов П. А.

Наследники / П. А. Астахов — «Эксмо», 2021 — (Адвокат
Артем Павлов)

ISBN 978-5-04-156615-9

Умер известный деятель культуры, писатель и коллекционер Андрей Протасов. Из родственников у него остались вдова и дочь-инвалид. Все его квартиры и дачи, банковские счета, а также бесценные раритеты по наследству должны перейти им двоим. Но в день открытия завещания случилось нечто необъяснимое. Выяснилось, что незадолго до смерти Протасов составил еще одно закрытое завещание, согласно которому всё переходит в собственность совершенно незнакомым людям. Вдова и дочь остались без жилья, без средств к существованию. Что же случилось с Андреем Протасовым незадолго до его кончины? Действительно ли он так круто изменил свое решение? Поиском ответов на эти вопросы занялся известный адвокат Артем Павлов...

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-4

ISBN 978-5-04-156615-9

© Астахов П. А., 2021
© Эксмо, 2021

Содержание

Поминки	6
Счетчик включен	11
Завещание	17
Есения	20
Прерванная рыбалка	23
Вдова	26
Встреча с отцом	30
Последний из друзей	35
Грубейшее упущение	38
Случайный свидетель	42
Дельцы	43
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Павел Алексеевич Астахов

Наследники

«Никогда не говорите, что знаете человека очень хорошо, если не делили с ним наследство».

Иоганн Каспар Лафатер

© Астахов П.А., 2021

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

Поминки

Бэлла Альбертовна Протасова, некогда красивая и статная женщина восьмидесяти пяти лет, бледная и неподвижная, безмолвно стояла у окна. Неожданный легкий стук в дверь заставил ее вздрогнуть.

– Да-да, войдите, – не оборачиваясь, произнесла она.

«Кто-то из гостей? Или Лена? – вспорхнула неожиданная мысль. – А впрочем, сейчас это совсем не важно. Давно пора спуститься вниз», – тут же пронеслось в ответ.

– Бэлла Альбертовна? – раздался тихий осторожный голос. Пожилая женщина медленно обернулась. Сердце, выстукивающее бешеную дробь, слегка притихло, в глазах прояснилось. В дверях с нерешительным видом стояла стройная брюнетка с миловидным лицом. Это была сиделка Елена.

– Заходи, Лена, – устало сказала Протасова, тяжело вздохнув и опустившись в глубокое старинное резное кресло из дуба. – Не маячь, пожалуйста, в дверях.

– Вам нехорошо? – встревоженно спросила Елена, осторожно, словно в нерешительности, входя в комнату. Цепким взглядом она быстро и внимательно окинула весь небогатый и хорошо ей знакомый интерьер спальни и замерла, уставившись на массивный стол, где рядом с фотографией покойного хозяина дома белели рассыпанные таблетки.

– Вызвать «Скорую»?!

Бэлла Альбертовна махнула рукой.

– Не стоит. Бессмысленно. Сейчас отпустит.

Оказалось, что они в спальне не одни, так как спавшая на ковре крупная трехцветная кошка вдруг проснулась, зевнула и, выгнув спину, сладко мурча, потянулась.

– Лена, просто... – Бэлла Альбертовна тяжело вздохнула, словно пытаясь подобрать нужное слово. – Понимаешь, никак не свыкнусь с мыслью, что моего Андрея больше нет...

Блуждающий взор расстроенной старушки остановился на фотографии умершего мужа, и ее глаза моментально наполнились слезами. Она всхлипнула.

– Мне все время кажется, что он здесь, – продолжила вдова, с трудом заставив себя отвернуться и смотреть в другую сторону. – Я просыпаюсь в кровати, но она пуста, и мне кажется, что Андрей уже поднялся и вышел подышать свежим воздухом... Я собираюсь пить чай, а про себя думаю: «Нужно позвать Андрея, я ведь как раз приготовила медовый рулет, его любимый. Кто-то звонит в дверь, а у меня мгновенная мысль – к Андрею гости, почему же он меня не предупредил?! Нужно ведь что-то к столу подать...»

– Бэлла Альбертовна, вы знаете, но я тоже очень привязалась к Андрею Васильевичу, – тихо сказала сиделка. – И хотя я у вас не так давно работаю, но ваш муж был необыкновенным человеком. Самым настоящим мужчиной, с большой буквы, позвольте так сказать.

– А я все время думаю, что вот вся эта суета закончится и мы пойдем на улицу, прогуляемся в роще, – будто не слыша сиделку, снова заговорила вдова. – Мне все время чудится, что он тут, рядом с нами.

Она быстро смахнула скользнувшую по щеке слезинку:

– А на самом деле он вот уже как сорок дней в земле. Какая нелепость! Непостижимо! Умереть в собственный день рождения, разве это простая случайность? А ведь ему в этот день исполнялось целых сто лет!

Елена деликатно молчала. Слова сочувствия и утешения уже давно были высказаны, и сейчас она не видела смысла рассыпаться в однообразных и бессмысленных, по сути, соболезнованиях.

Казалось, старушка поняла, о чем думает сиделка, и с горечью проговорила:

– Когда теряешь близкого, слышишь только себя, свою боль, и эта боль буквально разрывает тебя на части. Безжалостно разрывает. Не обижайся, Лен. Но я лишний раз убеждаюсь, что мы все жуткие эгоисты. Мы плачем не по ушедшим от нас родным, а по себе самим. Мы горюем потому, что будем лишены всего того, что давал нам этот человек...

Кошка неслышно приблизилась к Протасовой и, замерев на мгновение, прыгнула к ней на колени. Бэлла Альбертовна ойкнула и бесцеремонно спихнула питомицу вниз.

– Не до тебя сейчас, Маша.

Недовольно мяукнув, кошка вернулась на ковер и уселась, принявшись сосредоточенно вылизываться.

– Марина внизу? – задала вопрос вдова, и Елена в ответ кивнула.

– Я дала ей лекарство, она в порядке.

Бэлла Альбертовна не без труда поднялась с кресла.

– Мне уже лучше, – сказала она. – Пожалуй, надо спуститься, перед гостями неудобно.

– Гости почти все ушли, – сообщила Елена. – Кроме Коржиной и Сацивина.

Бэлла Альбертовна озадаченно взглянула на сиделку, уловив в ее голосе нотки неприязни.

– Ты ими недовольна? – спросила она, и щеки Елены вспыхнули румянцем:

– Ну «недовольна» – это слишком сильно... Да и вообще, Бэлла Альбертовна, кто я здесь такая, чтобы критиковать ваших друзей?

– Ты ухаживаешь за нашей с Андреем дочерью, – напомнила вдова. – Помогаете мне... И мы... – она запнулась, – я тебе доверяю. Если тебе есть что-то сказать, не держи это в себе, Лена. Я всегда считала Руслана и его супругу порядочными людьми. Если я ошибаюсь, то приведи доводы.

Сиделка развела руками.

– Это все на уровне интуиции, – нерешительно отозвалась она. – Знаете, как-то неестественно выглядела их скорбь... Может, я тоже ошибаюсь, но что-то в них фальшивое...

– Ты заблуждаешься, Лена. Андрей давно знал их, эта семейная пара из серьезной общественной организации, они многим помогли... Кстати, тебя как сиделку Марине порекомендовала именно Лидия Коржина!

Последняя фраза прозвучала почти как упрек, и Елена поджала губы.

– Андрей бы сразу учуял подвох, если бы с ними было что-то не так, – подвела итог Протасова. – Ладно, идем вниз.

В гостиной было тихо, и без того большой обеденный стол, за которым осталось лишь трое, выглядел гротескно огромным. Застеленный белоснежной скатертью, он ломился от всевозможных блюд и закусок, но даже после ухода основной части гостей многое из выставленного на столе осталось нетронутым. У самого края стола в инвалидной коляске сидела дочь умершего Марина Андреевна, которая с отсутствующим видом отпивала чай маленькими глотками. Неподалеку расположилась семейная чета, которую минуту назад обсуждали вдова с сиделкой.

– Дорогие гости, я прошу прощения, что оставила вас ненадолго, – извинилась Бэлла Альбертовна, усаживаясь рядом с дочерью. – Что-нибудь еще желаете? Кофе, может быть? Я попрошу Лену, она приготовит.

Руслан Сацивин, тучный лысеющий мужчина лет пятидесяти пяти в бархатно-черном костюме, отрицательно покачал головой.

– Спасибо, но не стоит, Бэлла Альбертовна, – заявил он. – Мы и так вам столько хлопот доставили!

– Ах, господи, какие хлопоты, Руслан, – вздохнула вдова. – Мы... – она на секунду запнулась, – ... то есть я всегда вам рада. И когда был жив Андрей... У нас гости бывали чуть ли не каждую неделю. Да что я говорю, вы сами все прекрасно знаете!

Голос старушки дрогнул, уголки глаз вновь повлажнели, и Марина успокаивающе взяла ее за руку.

– Мама, все хорошо, – вполголоса сказала она. – Нашему папе сейчас хорошо. Он прожил долгую и необыкновенную жизнь. Насыщенную и достойную. Он умер в полном здравии и рассудке, в родном доме, а не на больничной койке под капельницей...

– Войну прошел, трижды ранен был, – счел необходимым добавить Сацивин. Он потянулся за бутылкой и наполнил хрустальную рюмку водкой. – Военным корреспондентом в Чехословакии и Афганистане работал!

– Не человек, а талантище! – подхватила Лидия Коржина.

В отличие от своего супруга эта женщина была невероятно худой и плоской, словно доска. Тем удивительней было то, с каким аппетитом она поглощала яства и целые блюда, выставленные на столе в честь поминок, – начиная от холодных закусок, заканчивая заварными пирожными, которые накануне лично испекла Бэлла Альбертовна. Яркий и обильный макияж на ее вытянутом лице скорее выдавал истинный возраст женщины, нежели придавал ей молодость, но Коржину это не смущало – подобным образом она красилась всегда.

– ...сколько книг написал! У меня все работы Андрея Васильевича на полке стоят! И заметьте, все без исключения с автографами! – с гордостью продолжала тараторить она. – А хозяйственный какой был, все в дом, в дом... И планов у него было, ух! Громадье, как раньше говорили! Минутки свободной не было, весь день расписан! Но при этом родным всегда время уделял, не забывал, да...

– Ну, царствие небесное, – пропыхтел Сацивин, одним махом выпивая рюмку. Поморщился, зажевав ломтиком холодной телятины.

– Вечная память, – закивала Лидия. Проглотив очередное пирожное, она тщательно вытерла рот салфеткой.

– Вы, Руслан, лучше скажите маме, о чем мы недавно говорили, – внезапно сказала Марина.

Сацивин кашлянул, бросив испытующий взгляд на вдову.

– Это, собственно... гм... может, потом?

Брови вдовы удивленно приподнялись.

– Это имеет какое-то отношение к Андрею? – поинтересовалась она.

– Да в общем-то ничего такого мы не обсуждали. – Он принужденно, натужно улыбнулся.

– Рассказывайте уж, раз тему затронули.

– Просто мы... в общем, тут на днях с Лидой говорили, – сбивчиво начал Сацивин. – Бэлла Альбертовна, ведь Андрей Васильевич в последние месяцы тесно общался с рядом кинокомпаний?

– Да, он говорил, что у него есть сценарий для фильма, – подтвердила пожилая женщина. Она смотрела перед собой, на свои искривленные артритом дрожащие пальцы. – Мол, вы сами посоветовали ему экранизировать одну из его книг.

– Ни для кого не секрет, что киноиндустрия – дело весьма дорогущее, – пояснил Сацивин, пропустив последнюю фразу мимо ушей. Он взглянул на пустую рюмку и зачем-то отодвинул ее в сторону, словно она мешала важной мысли. – Конечно, исторические фильмы о войне сейчас востребованы нашим обществом, но...

Он умолк, промокнув покрытый испариной лоб салфеткой.

– Руслан хочет сказать, что папа мог взять займы денег для съемок, – хмурясь, закончила вместо него Марина. – И никому об этом из нас не сказал.

– Деньги для фильма? – переспросила Бэлла Альбертовна. Она тоже сдвинула брови – такой неожиданный поворот событий озадачил ее. Она никогда и в голову не могла пустить мысль о том, что ее Андрюша мог ТАКОЕ сделать без ее ведома. И сейчас это сообщение стало для нее явно не совсем приятным сюрпризом.

– Видите ли, Бэлла Альбертовна, – заговорила Коржина, очевидно, решив перехватить инициативу и взять разговор в свои руки. – Вы же знаете, что теперь, после того, как ушел Андрей Васильевич, вы являетесь наследниками. Вы и Марина, так ведь?

Бэлла Альбертовна замешкалась. Она неожиданно поймала себя на мысли, что на протяжении всех сорока дней со смерти мужа ей ни разу не пришлось в голову озаботиться вопросами предстоящего наследства. Не до этого было, все затмили похороны, подготовка к поминкам и бесконечные встречи с сочувствующими друзьями и приятелями Андрея Васильевича... А еще безразмерное горе и боль в душе, не отпускающая ни на секунду.

– Пожалуй, да, – сказала она после небольшой паузы. – Бывшая жена Андрея Васильевича давно умерла. От этого брака у моего мужа был сын, Петр, но они между собой не особенно ладили. Я даже не знаю, жив ли Петр... У него, кстати, есть сын Эдуард, он является внуком моего супруга. С ним у Андрея Васильевича тоже не сложились отношения. Насколько я была осведомлена, все финансовые дела с той семьей были улажены еще давно. И, если я не ошибаюсь, больше никаких наследников нет, только мы с Мариной. К тому же Андреем Васильевичем еще при жизни было составлено завещание.

Сацивин и Коржина переглянулись.

– Бэлла Альбертовна, мы, конечно, понимаем, что на поминках и даже на «сороковинах» такие вопросы поднимать неуместно, – произнес Руслан. – И все же... Андрей Васильевич был неординарной личностью, и мы считаем своим долгом защищать его доброе имя даже после смерти. Как известно, наследники, помимо какого-то имущества, также принимают все долги умершего.

Бэлла Альбертовна почувствовала, как внутри что-то болезненно зацарапалось.

– Вы хотите сказать, что... – она отпила минералки, так как горло внезапно стало сухим, – ...что мой супруг остался кому-то должен? Что он не успел решить свои финансовые проблемы при жизни?

– Достоверно этого никто не знает, в деловых вопросах Андрей Васильевич был очень закрытым человеком, – заявила Коржина. Насытившись, она выудила из сумочки зеркальце и, мельком глянув в него, с удовлетворением кивнула. – Но лучше подстраховаться. Как говорится, береженого бог бережет, а не береженого конвой стережет!

– Извините, что вмешиваюсь, но сегодня сорок дней, как не стало папы, – напомнила Марина. Помедлив, она добавила: – Не знаю, как мама, а мне неприятно в этот день обсуждать имущество нашего отца. Как и его долги. Простите.

– Мариночка, да о чем речь? – тут же воскликнул Сацивин. – Мы ни в коей мере не желали омрачать и без того этот скорбный день! Мы с Лидой просто очень волнуемся за вас! Только из самых искренних и лучших, так сказать, побуждений!

– Пожалуй, нам пора, – известила Коржина. Убрав зеркальце в сумочку, она пихнула локтем мужа. – Собирайся, и так людей задерживаем.

Бэлла Альбертовна хотела что-то сказать, но так и осталась сидеть, с тоской глядя перед собой покрасневшими от слез и бессонницы глазами.

– Спасибо, что пришли почтить память, – вымученно улыбнулась Марина. – Еще раз извините, если что не так.

– О чем вы, Мариночка! – широко улыбнулась Коржина. – Звоните в любое время! Мы всегда будем вам рады помочь!

– Лена! – позвала Марина сиделку, видя, как семейная чета поднялась из-за стола. – Проводи, пожалуйста, гостей!

Уже поздним вечером, когда все было убрано и Марина отправилась в свою комнату, Бэлла Альбертовна решила поставить телефон на зарядку. Внимание Протасовой привлекло одно непрочитанное сообщение, поступившее около восьми вечера от неизвестного абонента. Полагая, что это какая-то реклама, она уже намеревалась удалить его, но что-то заставило ее открыть послание.

Несколько секунд вдова молча глядела и пыталась осмыслить высветившийся на экране текст, вновь и вновь перечитывая его. Увиденное с трудом укладывалось в голове. Сообщение было коротким, уместившись всего в четыре слова, и оно вызывало не просто удивление, а парализующую все ее существо оторопь:

«Откажитесь от наследства добровольно»

Счетчик включен

– Может, откроешь, Эд? Это уже в четвертый раз, – сказал тощий парень лет двадцати пяти, после того как в коридоре раздался очередной звонок в домофон. У молодого человека было испитое болезненное лицо, мутные глаза украшали налившиеся синевой мешки, из уголка рта торчала тлеющая сигарета, пепел сыпался прямо на замызганный паркет.

– Да хоть в тридцать девятый, – откликнулся парень, к которому обратился курящий. Он разлил остатки коньяка по заляпанным жиром рюмкам. – Сегодня вы мои гости, Алекс.

– Это радует. Вот только руки у тебя трясутся, бро, – заметил Алекс, прищурившись. – И это не от «синьки». Тебя что-то конкретно напрягает, да?

– Тебе оно надо? – насупился Эд, искоса поглядывая на свои руки.

Алекс пожал плечами, затянувшись, выпустил струйку голубого вонючего дыма в потолок.

– Лера! – позвал Эд, но тот его остановил жестом:

– Она спит, оставь ее.

Эдуард поднял голову, сфокусировав взгляд на девушке, лежащей на продавленном диване. Со стороны казалось, что она увлеченно смотрит телевизор, где шла передача об африканских животных, но в действительности же веки юной особы были прикрыты, а грудь мерно вздымалась в такт дыханию. Она спала.

– Эд, если мы тебе в тягость, не проблема, – снова подал голос Алекс. – Мы уйдем, только скажи.

Эдуард дружелюбно усмехнулся, но взгляд его оставался напряженным.

– Все норм, бро. Давай, за дружбу.

Молодые люди выпили. Алекс сделал последнюю затяжку и отправил окурочек в пустую банку из-под оливок.

– Это последняя? – спросил он, кивнув в сторону опустевшей бутылки.

– Да, – последовал ответ.

– У меня еще немного лаве осталось, хватит еще на один флакон, – сообщил Алекс, демонстративно ткнув пальцем в карман джинсов.

Эд вяло смотрел перед собой.

– Как хочешь.

Алекс поднялся на ноги, поправив кожаный ремень.

– Так, зажигалка на месте... Может, вместе прогуляемся? Мозги прочистим?

Эдуард нервно поерзал, затем, вынув из кармана растянутую потертую резинку, принялся собирать длинные волосы в конский хвост.

– Не, я, пожалуй, приберусь.

Алекс внимательно и укоризненно смотрел на приятеля.

– Ты дома торчишь уже третий день, Эд. Как пенсионер-инвалид. На тебя это не похоже. Тебя контузило, что ли?

Видя, что тот не настроен на откровения, парень, слегка пошатываясь, двинулся в сторону прихожей.

– Ну, смотри сам, – пробурчал Алекс, выискивая среди наваленной обуви свои стоптанные кроссовки. – Возишься с ним, бухлом-травой подогреваешь, а он как партизан, блин...

Пока он бормотал, обуваясь, Эдуард собрал с пола пустые бутылки и прочий мусор (единственный стол в съемной квартире был сломан, и гулянки в последнее время происходили прямо на полу) и нетвердой походкой направился в сторону кухни. Он едва успел приблизиться к забитому доверху мусорному ведру, как в дверь позвонили.

«Значит, все-таки прошли в подъезд».

Эта мысль сверкнула в мозгу Эдуарда как ледяная молния, и его обдало холодом.

– Не открывай! – завопил он, но было уже поздно – Алекс щелкнул замком, распахивая дверь. И тут же, получив короткий и мощный удар в физиономию, рухнул как подкошенный. Зажигалка, которую он держал в руке, вылетела из пальцев, покотившись по коридору.

Эд застыл, как каменное изваяние, не в силах пошевелиться от охватившей его паники.

«Это от Графа. От Графа» – беспрестанно колотилось в мозгу. Он тоскливо посмотрел в сторону окна. Эх, если бы это был первый или на худой конец второй этаж! Но сейчас все они находились на восьмом, и если он выпрыгнет, то от него останется лишь отвратительная кровавая лепешка... «Нет, это не выход...»

– Привет, Эдик, – поздоровался с ним крупный мужчина средних лет, входя на кухню. На темной футболке, плотно облегающей его мускулистое тело, величаво пестрело изображение герба России.

Бесцеремонно схватив парня за сальный волосьяной хвост, он потащил молодого человека в комнату. Эдуард попробовал было сопротивляться, но незнакомец дернул его за гриву с такой силой, что у того на глазах выступили слезы. Боль была такой, словно на голову плеснули кипящим маслом.

– Будешь рыпаться, Эдик, я с тебя скальп сниму, – ласково пообещал незнакомец. Он втолкнул парня в комнату, и тот, потеряв равновесие, грохнулся на пол, задев локтем табуретку. Она перевернулась вместе с тарелкой, заполненной очистками от семечек вперемешку с мандариновой кожурой. От этого шума проснулась девушка. Испуганно подобрав ноги, она прижалась спиной к стене, переводя ословелый взгляд с хнычущего Эда на мрачного незнакомца.

– Алекс? – пискнула она.

В дверном проеме замаячила фигура второго гостя, еще более внушительных габаритов, чем первый.

– Дома есть еще кто? – отрывисто спросил он. У него были густые черные волосы, аккуратно зализанные назад, и борода-эспаньолка без усов. – А?! Кого спрашиваю, доходяги?!!

– Нет, – проблеял Эд. Будто загипнотизированный, он тарашился, как этот «двухстворчатый шкаф», в дверях держит за шиворот Алекса. Держит небрежно, словно надувшего лужу щенка, которого собирался наказать. Из расплющенного носа Алекса на паркет гулко падали капли крови.

– У вас, я гляжу, вечеринка? – полюбопытствовал мужчина в футболке с гербом. Он брезгливо пнул ногой банку из-под оливок, и та, позвякивая, покатила по полу, рассыпая на своем пути раскисшие окурки.

– Ну...

– Почему дверь не открывал? – улыбнулся незнакомец. Улыбался лишь его рот, словно кто-то аккуратно растягивал в стороны уголки его губ, глаза же полыхали жгучей ненавистью.

– Заставляешь людей на улице торчать, мерзнуть... – цедил он. – Пришлось ждать, пока наконец одна добрая бабуля нас пропустила...

– Кто из них? – полюбопытствовал «шкаф», и его компаньон ткнул пальцем в Эда. Мгновенно потеряв интерес к Алексу, громила отшвырнул его в сторону и с самым решительным видом слегка театрально вытер руки об джинсы, словно они были испачканы.

– Эдик, Граф хочет знать, когда он получит назад свои деньги, – наконец перешел к делу здоровяк в майке. – Времени у нас мало, ты и так заставил нас потратить на тебя целый час.

– Я... это, я все помню, – промямлил Эд. Он медленно поднялся, взглянул на валявшуюся табуретку, но сесть на нее не решился и просто засеменил назад, уткнувшись копчиком в подоконник.

– Это просто чудесно, что у тебя хорошая память, – подмигнул вышибала. – Заодно хотелось бы тебе напомнить, что, когда тебе понадобились деньги, ты обратился к Графу. Напомнить почему?

– Потому что ни один банк не дал бы мне кредит, – угрюмо ответил Эд.

– Ага, верно. И только Граф вошел в твое положение. Так сколько сейчас за тобой?

– Полтора ляма, – выдавил из себя Эд.

– Верно, только забыл приплюсовать проценты в виде пятидесяти тысяч рублей, – поправил его незванный гость. – Граф дает тебе срок – неделя. Ты хорошо понял, Эдик?

Молодой человек энергично закивал, рискуя вывихнуть шею.

В коридоре послышался стон приходящего в себя Алекса.

– Полагаю, не нужно предупреждать, что будет, если ты не найдешь деньги в срок?

Голос накачанного гостя похолодел, глаза превратились в две мерцающие льдинки, и Эдуард поежился.

– Не нужно, – послушно сказал он. – Я все понял.

– Хорошо. Очень хорошо!

Крепыш шагнул вперед, оказавшись совсем рядом, и Эд почувствовал исходящий от мужчины тонкий аромат одеколона и мятной жевательной резинки.

– Хотя у меня большие сомнения, что ты найдешь бабки, – понизив голос, сказал вышибала. – Разве что почку свою продашь, только кому она нужна от тебя, алконавта? Таких, как вы, гасить нужно, как тараканов. Граф совершил ошибку, одолжив тебе деньги.

Эдуард даже не успел осмыслить прозвучавшую тираду, как в следующее мгновение его вновь схватили за волосы, с силой ударив лицом об колено. Губы взорвались обжигающей болью, в глазах заискрилось. Все вокруг поплыло, и он, не удержавшись, снова повалился на пол. В тщетной попытке устоять на ногах Эд вцепился в край занавески, и та с треском оторвалась от карниза, накрыв его с головой.

Лера испуганно взвизгнула, и здоровяк бросил в ее сторону изучающий взгляд.

– Тсс, – произнес он, многозначительно приложив палец к губам, и девушка, побледнев от страха, сжалась в комочек.

«Шкаф» хмыкнул и, сплюнув на пол, двинулся к выходу. Его напарник молча прошествовал следом. Через секунду входная дверь хлопнула, и в квартире наступила пугающая тишина.

– Эд, – наконец разлепила губы Лера. – Где Алекс?

Отбросив в сторону занавеску, Эдуард с трудом выпрямился. Из разбитой губы струилась кровь.

– Он в коридоре, – хрипло дыша, отозвался он. Осторожно коснулся языком зубов. Так и есть, один нижний выбит, еще два шатались, словно гнилые доски в старом заборе.

– Кто это был? – снова спросила девушка, но Эд не ответил. Его мутило, от головокружения все предметы расплывались, и он обессиленно плюхнулся на табуретку.

Лера прыгнула с дивана, выглянув в коридор.

– Алекс? Алекс, очнись! – заговорила она, приводя в чувство приятеля. Спустя несколько секунд после звонкой пощечины он наконец приоткрыл глаза.

– Что... это было? – медленно ворочая языком, задал он вопрос, пока Лера помогала ему подняться. Держась за расквашенный нос, Алекс проковылял в комнату и сел на диван. Жалобно скрипнули пружины.

– Эд, может, объяснишься? – спросил парень, размазывая рукавом кровь по лицу.

– Я принесу лед, – засуетилась Лера. – В морозилке должен был остаться...

– Эд! – повысил голос Алекс.

– Я должен бабок, – ответил молодой человек, сплевывая сгусток крови. – Извини, раньше не сказал.

– Кому? Судя по всему, не Сбербанку.

– Графу.

Алекс присвистнул.

– Только самоубийца пойдет за деньгами к этому отморожку, – произнес он, укоризненно качая головой. – Если бы у меня был выбор прыгать в ад или идти в кабалу к Графу, я бы, не раздумывая, выбрал первое.

– Угу, – мрачно отозвался Эд. – Жаль, тебя рядом не оказалось, чтобы дать этот замечательный совет.

Из кухни вернулась Лера с пакетом льда, сунула его Алексу.

– А мне? – спросил Эд.

– Обойдешься, – бросила Лера. – Не заслужил... Если знал, что тебя за долги ищут, зачем в гости звал?

Эд уныло молчал. Лопнувшая губа раздулась, и каждое произнесенное слово вызывало боль.

– Лера, сходи за бухлом, – сказал Алекс, шаря по карманам. – Если не жажну сто грамм, сдохну.

– Ну да, – хмыкнула девушка. – Нашел дуру. Чтобы эти мордовороты в лифте меня по очереди оприходовали?!

– Они уже ушли, – устало проговорил Эд. – Вы им не нужны. Алекс, прости, но ты... просто попался под руку.

– Сколько ты должен? – спросила Лера. – Меня так накрыло от страха, что я не расслышала ваш разговор.

– Какая разница? У вас есть бабки, чтобы дать мне в долг?

Алекс усмехнулся, вытаскивая из кармана мятую пачку сигарет:

– Лер, солнышко, там где-то в коридоре зажигалка. Поищи, плиз.

Вздыхнув, девушка вышла из комнаты.

– Полтора ляма, – сказал Эд. Вспомнив напутственные слова «качка», уточнил:

– И еще каждый день проценты за просрочку по пятьдесят штук.

– Под что хотя бы брал?

Эдуард немного помолчал, затем произнес:

– Помнишь Вовку из Кунцево? Виртуоз на получение бабок из ничего, чуть ли не из воздуха.

– Кто ж его не знает, – кивнул Алекс. Вернулась Лера, молча протянув ему зажигалку. Парень прикурил сигарету и с наслаждением затянулся. – Мотает срок сейчас Вова из Кунцево. Если не ошибаюсь, семерку ему вклеили.

– Предложил с ним в одно дело войти, подержанные тачки одному типу в Москве продавать. Накрутка обещала быть солидной, а у меня как раз с родней были напруги, с дедом... Ну я согласился. Нужно было бабки срочно найти, чтобы дело закрутилось. В банки соваться мне было бесполезно, ни работы, ни поручителей... Одни умные люди порекомендовали Графа.

– У Графа безумные проценты. Как ты мог согласиться на эту сделку? – поинтересовался Алекс, прижимая к разбитому носу пакет льда.

– Вот так и смог. Потом выяснилось, что тот тип, который обещал скупать тачки, сам кинул Вована. Подставил его ментам, и Вову взяли. Накопали на него что-то из прошлого, меня на допросы тоже таскали. Только денежки-то уже давно тю-тю.

– Дурачок, – вздохнула Лера. – Как будто вчера с Луны свалился...

– Все вы умные, когда разбор полетов начинается! – огрызнулся Эд. Поднявшись с табурета, он шаркающей походкой двинулся в ванну. Он посмотрел на опухшее от беспробудного пьянства лицо, и его передернуло. Разбитая губа напоминала переваренную сардельку, джинсовая рубашка была заляпана кровавыми кляксами. Ледяная вода слегка освежила парня, и, промокнув лицо полотенцем, он вернулся в комнату.

– Что делать-то думаешь? – спросил Алекс, выпуская изо рта кольцо дыма.

Эд пожал плечами.

– Бабки искать нужно, – сказал он, но энтузиазма в его голосе было ровно столько же, сколько жизни в размокшем окурке, который прилип к банке из-под оливок.

– Можно было бы пойти в ментовку, но ты связался с Графом, – рассуждал Алекс. – У него все дырки прикрыты, не подкопаешься. А тебя на следующий день найдут по частям в разных помойках.

– Не согласна, – возразила Лера. – Эд нужен им живым, пока в состоянии вернуть хоть часть долга. Вопрос в том, что с ним будут делать, чтобы мотивировать на выплату бабок...

Эд вспомнил глаза бандита, приложившего его физиономией об колено – два оружейных ствола, из которых разве что дым не струился, и по спине пробежал морозный ручеек.

– Может, тебе свалить? – предложил Алекс.

– Куда?

– Ты же говорил, у тебя мать в Черногории живет, – напомнила Лера.

– Я с ней не общаюсь, – отрезал Эд. – После развода с батей она связалась с каким-то ушлепком и уехала... теперь только с днюхой раз в год поздравляет. Я ей никоим боком не впился.

– А еще у тебя родня есть? – не унималась девушка. – Ты как-то хвастался, у тебя дед крутой, писатель вроде...

– Умер дед.

– Умер? – переспросил Алекс. – Так это... А с кем он жил? То есть...

– Наследников много? – прямо спросила Лера. – Он ведь наверняка не побирался, да?

Эдуард замер. Закисшие шестеренки в его голове, скрипнув зубчиками, провернулись и медленно закрутились.

«Точно, дед...» – подумал он с растущим возбуждением.

– Не побирался, – сказал Эд вслух. – У него крутой коттедж недалеко от Москвы, кажется, в Барвихе... Еще «трешка» где-то в центре...

Алекс с Лерой переглянулись.

– ...была дача на юге... То ли в Геленджике, то ли в Крыму, – продолжал вспоминать Эд. – Насчет машины не знаю, он старый был и давно не водил... ему сто лет было.

– Не может быть, – не поверил Алекс. – Столько разве что кавказцы в горах живут!

– ...говорят, на собственный день рождения и умер, – закончил Эдуард.

– Счастливчик, – зачем-то сказал Алекс.

– Так что насчет наследства? – настойчиво повторила Лера.

– С наследниками все в порядке. Жена у него, от нового брака. Дочь больная, инвалид. Так что я пролетаю, – с горечью улыбнулся Эдуард.

– А завещание было? Когда он умер?

– Да недавно, кажется, – растерялся он. – А что?

– А то, тупица, что наследство открывают через полгода после смерти, – воскликнул Алекс. Не найдя, куда сунуть окурков, он осторожно положил его прямо на пол. – Врубаешься?

– Нет, полгода еще не прошло... Но я сильно сомневаюсь, что старик внес меня в списки наследников, – скептически заметил Эдуард.

– Ты и с дедом успел разругаться? – удивилась Лера.

– Ну, как бы сказать... Занял у него в свое время бабок на тачку. Помнишь, «Ауди», «восьмерку»?

– Ага. Ты говорил, он с тебя слово взял, что ты на работу устроишься, – кивнул Алекс.

– Ну да. А потом в меня один урод на «Майбахе» влетел.

Лера усмехнулась.

– Ходят слухи, что это ты в него влетел. И ты был под экстази.

Эдуард раздраженно покрутил головой:

– Сейчас-то какая разница? Как бы то ни было, дед на меня здорово разозлился – и машину я купил, не согласовав с ним, и страховую компанию выбрал не ту, какую нужно...

– Так что ты вляпался, – резюмировал Алекс. – Теперь тебе нужно срочно искать бабло, иначе только за десять дней тебе набегит еще пол-ляма.

Эдуард понуро молчал.

– Нужно узнать, существует ли завещание, – нарушила паузу Лера. – А если оно существует, то есть ли в нем ты. А вдруг? Вдруг старик перед смертью расчувствовался и простил своего непутевого внука?

– А почему бы и нет? – поддержал подругу Алекс. – Ладно, вы как хотите, а мне нужно подзаправиться. Надеюсь, вторая попытка выйти наружу будет удачней предыдущей.

Эд тусклым взглядом проводил выходящего из комнаты приятеля.

«Завещание... Полгода со смерти еще не прошло... А вдруг?!» – закралась мысль, и внутри затрепетал робкий огонек надежды.

Завещание

Ровно в девять утра к воротам домовладения Протасовых подъехал белый мини-вэн «Фольксваген Кадди». Водитель открыл задние двери, начиная раскладывать рампу для подъема инвалидной коляски. Заметив напряженное лицо Марины, Бэлла Альбертовна успокоила дочь:

– Я сяду с тобой, не волнуйся.

В последнее время они мало куда выбирались, и каждая совместная поездка куда бы то ни было превращалась в значительное и непростое событие, вроде квеста.

Вдова повернулась к сиделке Марины:

– Лена, остаешься за старшую. Не забудь покормить Машу.

– Конечно, Бэлла Альбертовна, не переживайте.

– Мы скоро вернемся.

– Дай бог, все будет хорошо.

Пожилая женщина перекрестилась и скрылась в автомобиле. Водитель закрепил специальными ремнями коляску, после чего закрыл двери и быстро вернулся в кабину.

Когда мини-вэн тронулся с места, сиделка тоже перекрестилась, на ее лице застыло выражение безотчетной тревоги.

– Мама, что-то случилось? – задала вопрос Марина, с беспокойством глядя на Бэллу Альбертовну. – На тебе лица нет! Мы же к нотариусу едем?

Она подняла на дочь глаза.

– Ну же. Неужели тебе есть что от меня скрывать? – Голос Марины задрожал.

– Что ты, дочка, – забормотала Бэлла Альбертовна. – Ты, главное, не нервничай... В последние дни ты неважно себя чувствовала, поэтому мы... то есть я... не хотела лишний раз тревожить тебя.

– Мама!

Старушка вздохнула.

– Помнишь, несколько лет назад я тебе говорила, что папа составил завещание?

Марина кивнула, не сводя глаз с матери.

– Папа говорил, чтобы мы ни о чем не волновались. Мол, все, что было им нажито, он оставит нам, – продолжала Бэлла Альбертовна. – Правда, у него ведь от первого брака тоже осталась какая-то родня...

– Да, ты говорила на поминках, что это сын Петр и внук.

– Именно, внук Эдик. Но, как я уже рассказывала, наш папа с ними практически не общался. В общем, когда я первый раз пошла к нотариусу, мне сказали, что в прошлом году Андрей написал новое завещание. Причем тайное.

– Закрытое, – машинально поправила ее Марина.

– Да, закрытое, – кивнула Бэлла Альбертовна. – Но я ничего не знала об этом! Да и ты, судя по всему, тоже!

Женщина молчала. Линзы ее очков слабо поблескивали в легких сумерках салона автомобиля.

– Ты боишься, что папа мог изменить свое решение? – наконец спросила она, стараясь, чтобы голос не выдал ее волнения.

– Я не знаю. Но нотариус мне объяснил, что в назначенный день он вскроет конверт с папиным завещанием и зачитает его... Этот день – сегодня.

– Понятно. Ты говорила об этом Руслану? Я имею в виду Сацивина.

– Я никак не могу дозвониться до него. Лишь вчера получила от него сообщение, что он тоже будет у нотариуса.

Марина почувствовала, словно висок будто кольнуло, и она с силой сжала пальцами подлокотники своей коляски.

– Это еще не все, – вновь заговорила Бэлла Альбертовна. – У нас заканчиваются деньги. Вчера я попыталась снять с карточки папы наличные, но счет оказался недоступным. Я позвонила в банк, мне сказали, что все счета умершего они заблокировали...

– Они действовали по закону, мама. Банки обязаны блокировать счета клиентов, чтобы к ним потом не было претензий от наследников. Вопрос только один – откуда они узнали? Ты ведь не носила туда свидетельство о смерти папы.

Пожилая женщина вздохнула. Некоторое время они молчали, потом Бэлла Альбертовна призналась:

– Скажу тебе честно, Марина. Если в ближайшее время счет папы не станет доступным, нам придется умерить свои аппетиты и жить на пенсии.

– Будем надеяться на лучшее, – ответила Марина. – А насчет пенсий... Миллионы стариков живут на свои пенсии, мама. Причем зачастую размер их куда меньше, чем у нас с тобой.

Старушка поджала губы. Она хотела сгоряча напомнить дочери, что их пенсий едва ли хватит на коммунальное обслуживание дома, в котором они живут, не говоря уж о зарплате сиделки Марины, но... ее слова так и остались невысказанными. Какой смысл именно сейчас затевать этот разговор, который ни к чему конструктивному не приведет?

Остаток пути они провели в гнетущем безмолвии.

В нотариальной конторе было душно и шумно. Ступеньки не были оборудованы пандусом, но, к счастью, у входа курили трое мужчин, и после просьбы Бэллы Альбертовны они подняли коляску с Мариной к дверям.

В тесном коридоре вдова лицом к лицу столкнулась с Сацивиным. Озабоченно бормоча что-то под нос, толстяк попытался кому-то дозвониться.

– О, Бэлла Альбертовна, дорогая! – воскликнул он, узнав Протасову. – Куда вы запропалились? Я... как раз вас набираю!

– Очень вовремя, Руслан, – сухо проговорила она. – Давайте поскорее закончим с этим. Сацивин схватил пожилую женщину за локоть.

– Скорее, ждем только вас!

– Я не одна, – напомнила она, высвобождая руку. – Скажите, куда идти?!

– Вон, прямо по коридору, потом налево, – торопливо объяснил тот. – На двери табличка «Нотариус Гурецкий»... Поспешите, уже все собрались. Я подожду.

Бэлла Альбертовна вернулась на ресепшен за Мариной. Ее дочь сидела сгорбившись, дрожащей рукой держа папку с документами, и в этот момент вдова испытала чувство острой и щемящей жалости. Как к собственной дочери, так и к себе, ко всему прочему к этому чувству добавилось также ощущение мучительного оглушительного одиночества.

«Поспешите, уже все собрались» – мысленно повторила Протасова слова Сацивина.

«Все» – это кто?! Лидия Коржина, супруга Руслана?

Спустя минуту они были в кабинете нотариуса, молодого подтянутого мужчины в темно-сером костюме. Легким кивком ответив на приветствие Протасовых, он махнул рукой в сторону свободного стула. Бэлла Альбертовна осталась стоять, с растерянным видом разглядывая людей, собравшихся в помещении. Кроме Руслана и Лидии в кабинете были еще один мужчина и две женщины, все прилично одеты, с неприветливо застывшими лицами. Никого из этих людей старушка раньше никогда не видела, и ее тревога постепенно перерастала в неосознанный страх.

– Все в сборе? – коротко осведомился нотариус.

– Все, все, – торопливо ответил Сацивин, подобострастно улыбаясь.

– Хорошо, – протянул тот и, уткнувшись взором в разложенные на столе документы, монотонно забубнил:

– Город Москва, Российская Федерация... тридцатое июня две тысячи двадцатого года... Я, нотариус города Москвы... составил настоящий протокол о том... что, получив сведения о смерти Протасова Андрея Васильевича... в присутствии заинтересованных лиц... и свидетелей... извлек конверт... и, убедившись в его целостности, вскрыл его... в конверте обнаружен конверт, подписанный свидетелями... при вскрытии которого изъят документ следующего содержания...

Нотариус перевел дух и на мгновение поднял голову. Семь пар глаз неотрывно смотрели на него, тишина стояла такая, что, казалось, было слышно как сидящая на окне муха чистит крылышки.

– ...Я, Протасов Андрей Васильевич... паспортные данные... проживающий... подписанным завещанием делаю распоряжение о моем имуществе на случай моей смерти...

Бэлла Альбертовна облизнула пересохшие губы, сердце колотилось, будто зверек, пойманный в силки. Она перехватила короткий взгляд Сацивина – толстяк то и дело вытирал платком испарину со лба.

– ...жилой двухэтажный дом и земельный участок, расположенный по адресу... завещаю Коржиной Лидии Сергеевне... паспорт серия... проживающая...

Протасова вздрогнула, будто случайно коснувшись раскаленной конфорки. Сердце замерло, в груди что-то мучительно заныло.

– ...трехкомнатную квартиру, расположенную по адресу... город Москва, ул. Маросейка... завещаю Сацивину Руслану Валерьевичу... паспорт серия... проживающего...

– Мама... – шепнула Марина, и Бэлла Альбертовна с трудом повернула голову. Расширенные глаза Марины были преисполнены недоумения, которое вытеснял страх. Дрожащей рукой вдова инстинктивно накрыла ладонь дочери.

Нотариус, не поднимая головы, продолжал быстро-быстро зачитывать завещание:

– ...денежные средства с банковского депозита, открытого в филиале Сбербанка по адресу... завещаю Национальному фонду реабилитации людей с ограниченными возможностями... реквизиты фонда... денежные средства с банковского депозита, открытого в филиале банка ВТБ по адресу... завещаю Центру паллиативной помощи онкологическим больным... реквизиты центра... Загородный дом с земельным участком, расположенные по адресу: Московская область, поселок Барвиха...

– Мама, что происходит? – сдавленным голосом проговорила Марина.

Бэлла Альбертовна покачнулась. Она хотела что-то сказать, но перед глазами все потемнело, колени ее подогнулись, и она, прислонившись к стенке, медленно сползла вниз. Последнее, что успел зафиксировать ее мозг, был испуганный крик Марины.

Есения

Париж, отель «Ле Рояль Монсо-Раффль».

В галерее «Арт-Дистрикт», являющейся неотъемлемой и, пожалуй, самой притягательной составляющей парижского отеля, было немногочисленно. Это объяснялось легко – срок выставки коллекции картин Сэмюэля Курто подошел к концу, и все желающие ознакомиться с работами известных мастеров импрессионизма уже успели это сделать.

Есения взглянула на часы, которые облегали ее тонкое запястье затейливым браслетом из белого золота, и оглянулась. Пожилая супружеская пара, тихо переговариваясь, не спеша переходила от одной картины к другой, и, кроме них, в этом зале больше никого не было.

«Скуотица», – подумала женщина, с трудом подавляя зевок. Мерно постукивая каблучками, она прошла в следующее помещение арт-пространства и остановилась у картины под названием «Игроки в карты».

– Поль Сезанн написал пять вариантов этого полотна, – услышала она за спиной уверенный и очень приятный мужской голос. И хотя в музеях Франции в наше время часто можно было услышать русскую речь, сейчас это было полной неожиданностью, и Есения непроизвольно оглянулась. Позади нее, не близко, в паре метров от нее, стоял крепкий высокий мужчина в иссиня-черном смокинге и, не отрываясь, рассматривал работу выдающегося художника. Казалось, он говорил сам с собой, не замечая приятной дамы впереди себя.

– Вы совершенно правы, – отозвалась она. – И одна из этих картин хранится именно здесь, в Орсе¹.

– Мадемуазель Есения? – полюбопытствовал незнакомец, слегка наклонив голову в знак приветствия. Теперь он в упор смотрел на собеседницу.

– Вы угадали. А вы, стало быть, месье Стэнли?

– Можно «господин Стэнли», или «мистер», – улыбнулся он. Причем улыбнулись только губы, его лицо оставалось сонно-бесстрастным, а темные глаза продолжали пытливо изучать стоящую у картины женщину. – Я не возражаю, если мы вообще отойдем от этих церемониальных формальностей.

– Как вам будет угодно. Откровенно говоря, не ожидала, что вы так хорошо говорите по-русски. Я полагала, вы – американец.

Стэнли пожал плечами.

– Тот факт, что я имею гражданство США, не означает, что я не знаю русского. Как, впрочем, и других языков. Мы с вами можем общаться как на французском, так и на английском... Но я осмелюсь предположить, что вам удобнее вести беседу на русском, тем более вы сами из России... Верно?

– Вы правы. Только не помню, чтобы я говорила вам об этом, – произнесла Есения, и ее голос похолодел. – Вы что же, навели обо мне справки?

Стэнли вновь улыбнулся, и на этот раз улыбка вышла куда дружелюбнее, нежели в первый раз.

– Расслабьтесь, Есения. Мы с вами деловые люди, которые ценят время и доверяют только проверенным компаньонам. Неужели вы думали, что, заключая сделки с мистером Говардом, мы не беспокоимся о благонадежности наших партнеров?

– Вы очень предусмотрительны. Пожалуй, я бы поступила точно так же.

– Однако хватит этих прелюдий, – вдруг спохватился Стэнли. – Давайте пройдем на балкон, если вы не возражаете, и перейдем к делу.

¹ Парижский музей изобразительных искусств, одно из крупнейших в мире собраний европейской живописи и скульптуры периода 1850–1910 годов. Основу коллекции составляют работы импрессионистов и постимпрессионистов.

На выходе их встретил сублинный юноша в униформе. Видимо, кто-то из служащих отеля. В руках он держал никелированный поднос с бокалами красного вина. Есения взяла один.

– Весьма удобное место для встреч и переговоров, – между делом отметил Стэнли, когда они оказались на балконе. – Отель со всеми удобствами, совмещенный с арт-пространством, где можно бесконечно наслаждаться великолепием картин... Я, к примеру, был приятно удивлен, увидев здесь работы Франца Марка и Дэнниса Хоппера! – Закончив болтать так же незапно, как вступил в беседу с Есением, он неожиданно извлек из внутреннего кармана смокинга плоский серебряный портсигар. – Составите мне компанию?

– Благодарю, но я не курю, – отказалась Есения. При этом она сделала маленький глоток вина.

– Ладно, я не буду отнимать ваше драгоценное время, – промолвил Стэнли, прикуривая тоненькую сигарету от тускло блеснувшей зажигалки. Есения подумала, что и портсигар, и зажигалка явно изготавливались в одном месте под заказ.

«Напыщенный индюк», – с неприязнью подумала она, глядя, как мужчина картинно выпускает изо рта колечки дыма.

– ...Как я уже говорил, мистер Говард остался очень доволен товаром, полученным в результате нашей сделки, и выражает вам свою признательность, – проговорил Стэнли. – Надеюсь, с нашей стороны все обязательства тоже выполнены в полном объеме?

– Да, мистер Стэнли. Деньги своевременно поступили на счет, – подтвердила Есения.

– Отлично. Мне бы хотелось перейти к обсуждению очередного предмета искусства, о котором вы упомянули в прошлом письме.

– Вы о рукописях российских классиков?

– Именно. Мистер Говард заинтересовался работами русских писателей и поэтов. Особый интерес у него вызывают произведения Шолохова, Цветаевой, Блока... Также рассматривается Пастернак. Собственно, перечень авторов не ограничивается упомянутыми классиками, мистер Говард готов приобрести любые оригиналы первоисточников... Но предпочтение отдается именно тем, кого я назвал. Это действительно возможно?

– Вполне. Возможно, что и листок тонет, а камень плывет, – заметила Есения, снова пригубив вино.

Стэнли рассмеялся.

– Обожаю русские поговорки! – воскликнул он, затушив сигарету о стоявшую рядом пепельницу в виде вычурной вазочки из латуни. – В них столько философского смысла и непосредственности одновременно!

– Это несомненно, – согласилась Есения. – Тем более что это поговорка японская.

– О! Мне нравится ваша уверенность, – сказал Стэнли. – О цене не волнуйтесь. Мистер Говард – щедрый человек, и все финансовые вопросы мы обговорим отдельно. Самое главное, на что я постоянно обращаю внимание, – чтобы все мероприятия проводились строго в рамках закона. Нам, как, смею надеяться, и вам, не нужны неприятности с правоохранительными органами.

– Насчет этого не переживайте. Наши юристы не зря получают свою зарплату. Единственная просьба – не торопите меня со сроками, – предупредила Есения. – Вопрос практически решенный, но для этого потребуется некоторое время.

– О, мистер Говард умеет ждать. Но вместе с тем осмелюсь напомнить, что чем быстрее будет представлен интересующий товар, тем выше будет ваша премия. За оперативность мистер Говард платит отдельно и не скупится. Итак, можно считать, что мы договорились?

– Полагаю, что да. Разрешите вопрос, мистер Стэнли.

– Разумеется. И, повторюсь, можно без официальных приставок, дорогая Есения.

– Зачем вы настаивали на встрече? Все, что мы сегодня обсудили, можно было сделать посредством телефона или ноутбука.

– Если я скажу, что для меня важно живое общение, вы поверите мне? – спросил американец, прищурившись.

Есения покачала головой.

– А если я признаюсь, что хотел увидеть вас лично?

Она невольно улыбнулась.

– В это я готова поверить, – сказала она. Сделав последний глоток, Есения поставила бокал на столик. – И мне отчасти это очень приятно.

– В таком случае, может, встретимся в неформальной обстановке? – вкрадчиво поинтересовался Стэнли. Прохладная невозмутимость в его глазах исчезла, и теперь в них замелькали плотоядные искорки. Сейчас он едва ли не облизывался, глядя на изящную фигуру собеседницы. В черном обтягивающем платье, с распущенными золотисто-волнистыми волосами, чувственными алыми губами, Есения выглядела изумительно и, похоже, догадывалась о мыслях мужчины.

– Почему бы и нет? – снисходительно ответила она. – Я еще три дня буду в Париже.

– Замечательно, – просиял американец.

Прерванная рыбалка

Вечерело. Июньское солнце, жаркое даже на исходе дня, плавно и размеренно клонилось к закату, его багровый бок уже коснулся верхушек высоченных елей Можайского водохранилища. Очередной теплый летний день беззаботным щебетом провожали лесные птицы, их небольшие стайки изредка вспархивали в листве деревьев и устремлялись в теплое предзакатное подмосковное небо.

В светло-зеленой моторной лодке типа «Кайман», спокойно покачивающейся на зеркальной глади воды, сидели двое, у каждого в руке было по удочке.

– И все же я тебя зря послушался, Тема, – проворчал один из рыбаков, одетый в пятнистый камуфляж. Поправив зеленую кепку, он скептически посмотрел на замерший в неподвижности поплавок. – Нужно было спиннинг брать! Ну что это?! Баловство одно, как пацаны, ей-богу...

– Ты так говоришь, Шамиль, потому что тебе сегодня не везет, – парировал Артем. На адвокате была легкая спортивная куртка песочного цвета. – А я вот наоборот, люблю что попроще.

– Да это я так, для профилактики! Хех, уж и поворчать нельзя. Как говорится, умей довольствоваться малым... Ведь шикарные же тут места, верно?

– С этим не поспоришь, – согласился Павлов. – Места действительно потрясающие. Один закат чего стоит...

– Нет желания вообще сюда переехать? – поинтересовался Шамиль. – Возьмешь себе небольшой домик, да и веди свои консультации онлайн... Сейчас многие твои коллеги так делают. И удобно, и время экономит. Да и ты, Артем, уже серьезно вырос.

– Отчасти ты прав, не нужно тратить часы на дорогу, – кивнул Артем. – Но я, несмотря на все эти новомодные тусовки онлайн, по-прежнему старомоден и верю только в живых людей. Уверен, что ничто не заменит живого общения с человеком, ты же меня знаешь. Я, безусловно, люблю природу, но мне нужен драйв, чтобы все крутилось вокруг. Если я поселюсь в домике у озера, через пару дней волком завою. Нет, консультации на «удаленке» точно не мое.

– Ты каждый раз по грани ходишь, – произнес Шамиль. Из кармана охотничьей «разгрузки» он вынул пакетик с арахисом и кинул орешек в рот. – И каждый раз я вздрагиваю, когда слышу твой звонок посреди ночи.

– И каждый раз ты помогаешь мне кого-то вытащить из нехорошей ситуации, дружище. За что я тебе безмерно благодарен, – отозвался Артем, и взгляд Шамиля потеплел.

– О чем речь, Тема. Но сам знаешь, жизнь непредсказуема и каждый раз вносит свои коррективы. Угощайся.

Павлов взял несколько орешков.

– Похоже, у нас гости, – вполголоса сказал он. Шамиль покосился на поплавок приятеля, который, дернувшись, внезапно резко ушел глубоко под воду, натянув леску до предела. Внимательно следивший за поклевкой Артем среагировал молниеносно, потянув удилище в противоход движения поплавка, тоненькая антенна которого то выныривала, то вновь погружалась в воду.

– Приготовь подсак, – бросил Павлов, и Шамиль, оставив свою удочку, схватил со дна лодки рыболовный сачок.

– Это явно не карасик, – пробормотал он, глядя на торпедообразное тело, энергично извивающееся под водой.

Еще минута отчаянного сопротивления, и в сетке яростно билась крупная щука серо-желтоватого окраса.

– Смотри, какая красавица, – не скрывая восхищения, произнес Артем. Из кожаного подсумка на поясе он проворно извлек специальные стальные щипцы – «зевник» – и с его помощью так же ловко вынул стальной крючок из пасти речной хищницы.

– Спиннинг, говоришь? – краем рта улыбнулся адвокат, отправляя дергающуюся рыбину в пластиковое ведро, которое стояло на корме лодки. В нем уже дремали четыре крупных леща и несколько окуней. Оказавшись в тесном плену, щука тут же принялась неистово бултыхаться, выражая категорическое несогласие с пленением.

– Сегодня твой день, – с серьезным видом известил Шамиль. – Сдаюсь.

– Не печалься, дружище. Повезет в чем-то другом, – в тон другу сказал Артем, ободряюще подмигнув.

– Вот уж не ожидал, что в здешних краях щуку можно на простую удочку поймать, – признался Шамиль. Он приподнял свое удище и вздохнул, увидев пустой крючок.

– Среди рыбаков до сих пор ходит легенда, что в Царских прудах в конце восемнадцатого века была поймана щука невероятных размеров, – сообщил он. – И вроде как в ее жабрах было закреплено золотое кольцо – таким образом рыбину поместили по указанию Бориса Годунова...

– Тогда этой щуке должно быть почти двести лет, – усмехнулся Павлов. – Если мне не изменяет память, вылов самой крупной щуки официально зафиксирован в тридцатых годах прошлого века, в озере Ильмень Нижегородской области. Вес ее составил порядка тридцати пяти килограммов.

Шамиль взглянул на ведро, в котором речной хищник продолжал без усталости бить хвостом, разбрызгивая воду.

– Судя по всему, карпы не в восторге от такого соседства. Кстати, помнишь, как в прошлом го...

Договорить Шамиль не успел из-за внезапно раздавшейся трели телефона. Он умолк, глядя, как Артем с извиняющимся видом полез в карман куртки. Высветившийся на экране номер был ему незнаком, но он без промедления принял вызов.

– Да, слушаю вас!

– Артемий Андреевич?

– Именно.

– Вас беспокоит Бэлла Альбертовна, я вдова Андрея Васильевича Протасова... Простите, если отрываю вас...

– Все в порядке, Бэлла Альбертовна, я помню вас, – сказал Артем. – Позвольте еще раз выразить соболезнование по поводу кончины вашего супруга.

– Благодарю вас... Понимаете, Артемий Андреевич, мне... – в трубке возникла короткая пауза, на фоне которой отчетливо послышался всхлип, – однажды вы помогли моему мужу... я знаю, вы блестящий юрист, но при этом вы очень занятой человек...

– Что случилось, Бэлла Альбертовна? – поинтересовался Павлов. – Пожалуйста, не волнуйтесь и расскажите все по порядку.

– Это касается наследства мужа... Нас с дочерью обманули, – раздалось из трубки. – Лишили всего... Рассказывать долго и... если можно, я бы подъехала к вам... можно?

Павлов окинул взглядом водную гладь, окружавшую их лодку, посмотрел на водонепроницаемые часы.

– Завтра в девять утра я буду ждать вас в моем офисе, – предложил он. – Договорились?

– Конечно, конечно, – торопливо забормотала вдова. – Еще раз извините, что я, возможно, нарушила ваши планы...

– Все в порядке, Бэлла Альбертовна. До завтра.

Когда адвокат убрал телефон в карман, Шамиль подал голос:

– Я ничему не удивляюсь. Наверное, странно другое. Что мы с тобой хотя бы успели порыбачить, дружище, и этот звонок не прозвучал раньше. А то ведь наверняка ты тут же сорвался бы...

– Как знать, – обронил Артем. Он посмотрел на темнеющее небо и добавил:

– Рыбу заберешь? У меня все равно нет времени на возню с ней.

Шамиль с упреком покачал головой:

– Все на бегу, второпях... Эх, Тема, Тема...

Пока Павлов заводил мотор, он взял ведро и вывалил всю рыбу за борт, оставив только щуку.

– Обещай, что на котлеты хоть приедешь, – с надеждой в голосе сказал Шамиль. – Из щуки отличные котлеты получаются!

– Приеду, – пообещал Артем. – Не гарантирую, что успею на котлеты, но приеду обязательно.

Друзья рассмеялись.

Вдова

Часы в кабинете адвоката показывали три минуты десятого, когда зазвонил внутренний телефон.

– Артемий Андреевич, к вам посетитель, – звонким голосом известила секретарь. – Протасова Бэлла Альбертовна.

– Да, я жду ее, – отозвался Павлов. – Пусть заходит, и, пожалуйста, организуй чай.

Он поднялся из-за стола, когда дверь уже открылась.

– Вы пунктуальны, Бэлла Альбертовна, – похвалил он пожилую женщину. – Доброе утро! Располагайтесь. – Адвокат жестом показал на массивный диван, обтянутый бежевой кожей.

– Здравствуйте, Артемий Андреевич, – проговорила вдова, не без усилий присаживаясь на диван. – Увы, это утро для меня далеко не доброе... Как и многие предыдущие.

Артем подвинул стул к сверкающему гляncем журнальному столику и сел напротив Протасовой.

– Сейчас принесут чай, – сказал он. – Или, быть может, вы предпочитаете кофе?

– Благодарю, но кофе мне уже нельзя, врач запретил, – вздохнула она.

Павлов внимательно смотрел на посетительницу. Прежде ему доводилось встречаться с ней, только было это лет пять назад. Но даже учитывая минувшие с того момента годы, он был поражен происшедшими переменами с Протасовой, словно прошли не пять, а все двадцать пять лет. Пальцы, беспрестанно комкающие вышитый платок, опущенные уголки губ, глубоко запавшие глаза, наполненные безысходной тоской, красноречиво говорили сами за себя – к безутешному горю, обрушившемуся из-за смерти супруга, добавилась новая беда, и Артем мог только догадываться, что происходит в душе этой хрупкой, интеллигентной старушки, которая вот-вот готова расплакаться прямо у него в кабинете.

– Бэлла Альбертовна, давайте постараемся не волноваться и начнем с самого начала, – нарушил паузу Павлов. – Для того чтобы я смог вам помочь, мне нужна ясная картина происходящего.

– Да-да, конечно, простите, – пробормотала вдова и перевела взгляд на Артема. – До нашей встречи Андрей Васильевич был женат, но развелся в шестидесятых годах... Мы поженились в 1974 году, через год у нас появилась дочка Марина. К сожалению, она родилась с серьезным недугом. Не буду вдаваться в медицинские термины, суть в том, что у нее парализована нижняя часть тела. И все это время, вплоть до смерти Андрея Васильевича, мы прожили вместе... Есть ли смысл перечислять заслуги моего покойного мужа перед страной?

– Андрей Васильевич был талантливым и выдающимся писателем своей эпохи, – подтвердил Артем. – Это факт. Но для дела по спору о наследстве сейчас большее значение имеет материальная сторона. То есть то имущество, которое осталось после его ухода. Давайте начнем с этого.

Протасова молча положила на столик папку с документами.

– Хорошо, можно и короче, – добавила она, прежде чем адвокат взял папку в руки. – Загородный дом в Барвихе, в котором в настоящее время проживаем мы с Мариной. Трехкомнатная квартира на Маросейке... Дачный участок с домом в Крыму... Деньги... У Андрея было два счета. Он не скрывал от меня свои сбережения... В общей сложности там около пятидесяти миллионов рублей...

Голос Бэллы Альбертовны предательски дрогнул, и она, торопливо промокнув глаза платком, быстро взяла себя в руки.

– Вы сказали, что до вашей женитьбы у Андрея Васильевича была другая семья, – напомнил Артем.

– Да, супругу звали Раиса Денисенко, – пояснила Бэлла Альбертовна. – Племянница Никиты Хрущева, кстати.

Адвокат удивленно приподнял бровь.

– Да-да, Андрей Васильевич был не промах в выборе невест, – грустно улыбнулась вдова. – Впрочем, это к делу не относится. Раиса умерла давно, где-то в середине девяностых. От этого брака у моего покойного мужа остался сын Петр. У Петра есть ребенок... То есть внук Андрея Васильевича... Зовут Эдуард. Весьма непростая личность, это если говорить мягко.

– Я, кажется, припоминаю этого парня, – промолвил Артем, слегка наморщив лоб над переносицей, будто что-то припоминая. – Ваш муж обращался ко мне. Молодому человеку требовалась юридическая помощь. Речь шла тогда о ДТП. И виновником был этот Эдик.

– Да, все верно. К сожалению, это неприятное событие никак не вразумило или, как теперь принято говорить у его сверстников, не вправило мозги юному отпрыску, – со вздохом проговорила Бэлла Альбертовна. – Собственно, он и его отец Петр – все, кто остался от той семьи. Причем у меня нет уверенности, что Петр жив – он как-то внезапно исчез из поля зрения, и я давно ничего не слышала о нем. В общем, на тех родственниках можно поставить крест.

– Ошибаетесь, – возразил Артем. – По закону, даже если Петр и в самом деле умер, Эдуард может требовать долю своего отца по праву представления.

Увидев недоуменное выражение на лице Протасовой, Павлов объяснил:

– К примеру, у пожилого мужчины есть два сына. У одного из них – тоже сын, а у другого – дочь, то есть, внук и внучка. Неожиданно глава семейства (наследодатель) и один из сыновей, у которого дочка, погибают в автокатастрофе. В таком случае наследниками по закону будут оставшийся сын и внучка, то есть дочь второго погибшего сына.

– Теперь понятно, – кивнула Бэлла Альбертовна.

– Но это произошло бы в том случае, если бы не было завещания, – продолжал Артем. – Насколько я понимаю, Андрей Васильевич составил завещание, по которому оставлял все имущество и деньги вам с дочерью?

– Разумеется. Именно так было прописано в первом завещании, которое я хранила у нас дома. Оно у меня с собой. Показать?

– Позже, – остановил ее Павлов. – Пожалуйста, продолжайте.

– Примерно пару лет назад Андрей Васильевич познакомился с семейной парой, это Руслан Сацивин и Лидия Коржина. Как я поняла, они представляют некий фонд, оказывающий помощь ветеранам войны и труда... Если меня не подводит память, он называется «Гарантия помощи» или «Центр помощи “Гарантия”»... Эти двое обладают феноменальной способностью убеждать людей и вынуждать их делать то, что они скажут! Они быстро находят общий язык с собеседником и моментально втираются в доверие...

На первых порах Андрей Васильевич держался настороже, ведь мы все знаем, как изворотливо и последовательно действуют мошенники, добираясь до цели! Но время шло, и ничего противозаконного со стороны этой парочки я не замечала. Я успокоилась. Сацивин и Коржина стали постоянными гостями в нашем доме, они часто приглашали Андрея на какие-то торжественные мероприятия, выставки, лекции и прочее... Лишь однажды я встревожилась не на шутку – муж как-то обронил, что Сацивин предложил оформить уход за нами в виде пожизненной ренты, на что Андрей Васильевич ответил категорическим отказом.

– Я попрошу вас дать мне координаты этих благодетелей, – сказал Артем, делая пометки в блокноте.

– Конечно, только в последнее время они практически не отвечают на мои звонки.

– Давайте перейдем ко второму завещанию вашего супруга. Я правильно понял, что нотариус зачитал вам совершенно другое завещание, нежели то, что хранилось все эти годы у вас?

Стараясь не упустить ничего важного, Бэлла Альбертовна рассказала адвокату все, что произошло в нотариальной конторе.

Выслушав, Павлов погрузился в размышления, размеренно барабанил пальцами по столу.

– Копия этого второго завещания у вас есть? – наконец спросил он, поднимая глаза.

Протасова отрицательно покачала головой.

– Мне стало плохо, и я потеряла сознание, пришла в себя только в карете «Скорой», – пояснила она. – Марине дали возможность сфотографировать это завещание на телефон... У меня есть...

– Вы позволите?

– О чем разговор!

Отыскав нужное фото на смартфоне, Бэлла Альбертовна показала его адвокату.

– Здесь сказано, что душеприказчиком назначен Сацивин, – сообщил Артем. – Вы знаете, что это означает?

– Весьма приблизительно. Что-то вроде управляющего?

– Вы правы. Это лицо, на которое возлагается обязанность по исполнению завещания, – объяснил он.

– Даже если он одновременно является наследником? – не поверила вдова.

– Это не противоречит законодательству. Из сего документа следует, что загородный коттедж, в котором вы сейчас проживаете, тоже отошел в собственность этой пары в равных долях. Но с одной существенной оговоркой – вы с дочерью имеете право проживать в нем пожизненно.

– Да, Сацивин потом мне тоже это все разъяснил, – отозвалась Протасова. Из сумочки она достала старомодный бамбуковый веер и, раскрыв его, принялась энергично обмахиваться. – Что, мол, никто нас на улицу не выгоняет... Только я воспринимаю этот жест как брошенную кость собакам!

– Он как-то объяснил, что вам, по сути, ничего не досталось? – спросил Павлов, в упор глядя на вдову. – Просто интересно услышать хоть какую-то версию, если эти люди удосужились ее приготовить для вас.

Бэлла Альбертовна вновь принялась мять платок.

– Он рассказал, что Андрей Васильевич собирался снять фильм по одному из своих произведений... Вроде как заключил договор с какой-то кинокомпанией, но для съемок понадобилась астрономическая сумма! Он не хотел снимать деньги со своих счетов и занял нужную сумму у какого-то бизнесмена в расчете на то, что расплатится с долгами, когда фильм окупится. Но, как выяснилось вскоре, эта кинокомпания оказалась мошеннической организацией, которая попросту присвоила деньги моего мужа... А человек, который ссудил эти деньги Андрею, потребовал их назад. Поэтому мой муж составил такое странное завещание, иначе мне пришлось бы расплачиваться всем имуществом по его долгам. Неужели долги тоже переходят наследникам?!

– Переходят. Таковы нормы Гражданского кодекса о наследстве, – подтвердил Артем. – Наверняка Сацивин убедил вас в том, что изъять у них с супругой имущество будет сложнее?

Бэлла Альбертовна кивнула.

– Предусмотрительные ребята, – оценил адвокат.

– И как только они разберутся с долгами моего мужа, все имущество снова переписут на нас с Мариной, – добавила Протасова, и в ее голосе прозвучала нотка надежды.

– Нда. Бэлла Альбертовна, вы притчу про Ходжу Насреддина помните, как он обещал научить осла говорить?

Бэлла Альбертовна тяжело вздохнула.

– Но все же эти предприимчивые «благотворители» не учли один важный момент, – внезапно сказал Артем, что-то отметив в блокноте. – А может, просто забыли впопыхах.

Протасова замерла, ее худая рука с веером застыла в воздухе.

– Вы сказали, что ваша дочь имеет инвалидность с рождения, – произнес Павлов.

– Совершенно верно, у нее первая группа.

– А вы являлись нетрудоспособной супругой умершего.

– Да, – нерешительно подтвердила вдова, не совсем понимая, куда клонит адвокат.

– Открываем Гражданский кодекс, статья 1149, – сказал Артем, начиная листать пухлый сборник. – Она гласит: «...нетрудоспособные дети наследодателя, его нетрудоспособные супруг... а также нетрудоспособные иждивенцы наследодателя... наследуют независимо от содержания завещания не менее половины доли, которая причиталась бы каждому из них при наследовании по закону...»

Закончив цитату, он посмотрел на пожилую женщину:

– Вы и ваша дочь имеете право на обязательную долю.

– Господи, мне даже в голову это не пришло, – медленно проговорила Бэлла Альбертовна.

– Странно другое. Нотариус должен знать такие очевидные вещи. – Артем задумчиво крутил в руках ручку. – Или он дилетант, что маловероятно, или состоит в сговоре с мошенниками...

– Артемий Андреевич, вы возьметесь за мое дело? – тихо спросила старушка. – Извините за мою настойчивость, но мне... элементарно больше не к кому обратиться. А вам я полностью и всецело доверяю.

– Я тронут вашими словами, Бэлла Альбертовна, и вашим доверием, – сказал Павлов. – И я знал вашего супруга. Пускай наше знакомство было поверхностным, но я ничуть не сомневаюсь, что это был порядочный, честный и самоотверженный человек, многое сделавший для нашей страны. И я верю, что он никогда бы не предал свою любящую семью, в какие бы неприятности ни попал. Конечно, я возьмусь за ваше дело, и, уверен, совместными усилиями мы восстановим справедливость.

Глаза Протасовой заблестели от слез.

– Вы не представляете, как мне было важно ваше согласие, – прошептала она. – Вот только... мы сейчас практически нищие... и заплатить я вам смогу не скоро... я...

– Оставим пока разговоры о финансах, – мягко остановил Артем вдову. – Сейчас главное – результат. Первичные цели намечены. Не падайте духом, Бэлла Альбертовна, ваше дело правое, и победа будет за нами!

Встреча с отцом

Из последнего вагона прибывшей на остановку Бирюлево-Товарная электрички вышли двое молодых людей. Двери поезда закрылись, и тот, стремительно набирая скорость, с шумом унесся прочь. Парни продолжали стоять, с заторможенным видом оглядываясь по сторонам. Со стороны могло показаться, что их разбудили минуту назад и, еще не проснувшись, вытолкали на перрон.

– Ты точно уверен, что это где-то тут? – наконец спросил Алекс. Слегка покачиваясь, он бестолково ерзал по карманам.

– Думаю, что да, – ответил Эд. Разбитая накануне неизвестным громилой губа уже начала заживать и выглядела получше, затянувшись корочкой, зато под правым глазом расцвел фиолетово-желтый «фонарь».

Он икнул, посмотрев на приятеля:

– Сигареты ищешь?

– Ну да.

– Мы же перед электричкой последнюю выкурили.

Алекс выругался и снова взглянул на Эдуарда:

– Ты бы хоть очки нацепил. Выглядишь, как бомж с помойки.

– Ага, бомж, – с мрачным видом ответил тот. – Ты, знаешь ли, тоже не на Тома Круза похож. Между прочим, ты сам на мои очки и сел, придурок.

Это обвинение ничуть не смутило Алекса.

– Нечего свои вещи раскидывать где попало, – равнодушно бросил он. – Ладно, пошли, раз уж приехали.

Нетвердой походкой друзья двинулись к выходу.

– Ненавижу, когда «синька» заканчивается, – проговорил Алекс. – Такое ощущение, что вроде ты перед распутием – или дальше гужбанить, или в завязку уйти... И ты завис, как лох, между небом и землей... Ты какую дорогу выбираешь?

– Вот именно, лох и есть! Не «перед распутием», а «на распутие»! – злобно отозвался его дружок.

– Чего? – недоумевающе остановился оторопевший Алекс.

– У тебя бабки-то есть? – спросил Эд, не глядя на товарища.

Алекс замотал головой.

– Тогда о чем базар? – сплюнул под ноги парень. – Были бы деньги, тропинка бы быстро нашлась... Кстати, где твоя боевая подруга? Я про Лерку.

– Умотала к сестре в Волгоград, та замуж выходит, – коротко пояснил Алекс, и они замолчали.

Дальше побрели молча. Спустившись по ступенькам вниз, молодые люди зашагали вдоль бетонного забора, сплошь изрисованного граффити. Под подошвами обуви сухо похрустывали камни.

«Бомж», – повторил про себя Эдуард фразу, брошенную Алексом со смесью сочувствия и презрения, и ему стало тошно. «Бомж из помойки»...

Точно, он бомж. И к тому же полный лох! А чего, собственно, обижаться? Своего жилья нет, морда разбита, шмотки не стираны, изо рта перегар, все соответствует...

– Ты говорил, что с батей в контрах, – возобновил разговор Алекс, которому, судя по всему, было скучно идти молча и заниматься самоанализом.

– Ну да, – нехотя протянул Эд.

– Че так?

– Мы же раньше вместе жили. Грызлись постоянно из-за всякой ерунды. В общем, однажды я к нему в заначку залез, он как раз на гараж копил. Намечалась туса в ночном клубе, девки там и все такое, а у меня голяк полный. Бабла не было вообще, отец ни копейки не давал, все жизни учил... Ну я взял, а он, разумеется, потом просек...

Алекс цокнул языком, на лице его расплылась дурашливая улыбка:

– Елы-палы, так это тогда, когда ты всю тусовку поволок потом в сауну? Еще душ из шампанского устроил бабам?

Эд лишь слегка улыбнулся, вспоминая события недавних лет.

– Что-то в этом роде. Батя взъярился, конечно. Ну а потом еще была одна кривая история с кредитом, когда я его в поручители записал. Сам я в пролете оказался, и батя пришлось всю сумму выплатить. Эту тему я тебе уже как-то рассказывал.

– Было дело. Вы сейчас хотя бы общаетесь?

– Очень редко.

Алекс окинул друга скептическим взглядом.

– И ты считаешь, сегодня тебе подфартит, бро?

Эд пожал плечами.

– Лучше он пошлет меня сейчас, чем я не предприму попытку навести мосты. И потом буду сожалеть о том, что не рискнул, – сказал он.

– Долго еще?

– Нет, вон, видишь, промзона начинается, там где-то гаражи должны быть...

Оглядываясь по сторонам, приятели пересекли железнодорожные пути и двинулись дальше.

– Кажется, здесь.

Алекс почувствовал промелькнувшую в голосе Эдуарда неуверенность и спросил:

– Ну и дырища... А почему мы сюда приперлись?

– Потому что городской номер не отвечает, балда. Старик либо дома, либо в гараже возится со своей ржавой рухлядью.

– А мобильный?

– Он не берет трубу.

Алекс почесал затылок.

– Похоже, зря я решил составить тебе компанию, – недовольно заметил он. – Только время потерял.

– Даже не вздумай слинять, – рассердился Эдуард. – Мне нужна хоть какая-то поддержка! Вон, гляди, ворота открыты! И «Газель» рядом стоит! Он же водилой подрабатывает, значит, здесь.

– Знаешь, Эд, у меня что-то очко играет, – признался Алекс. – Вот не знаю, но задом чувствую, не следует нам с твоим папашей встречаться.

– У меня больше нет вариантов! Или мы с батей прижимаем родню моего деда с наследством, или Граф меня на ремни порежет.

– Постой. Как хоть твоего папаню зовут?

– Петр Андреевич.

С этими словами Эдуард медленно поплелся к открытому боксу. Помедлив, Алекс последовал за приятелем.

Почти минуту Эд стоял у «Газели», покрытой застарелыми разводами грязи, словно все еще не решаясь на последний шаг, отделяющий его от встречи с родным отцом, затем, вздохнув, вошел внутрь.

В тесном помещении, заваленном старыми запчастями и покрышками, царил полумрак. В нагретой за день железной коробке, невзирая на распахнутые ворота, стояла неимоверная духота. Посреди гаража на деревянном ящике восседал грузный мужчина лет шестидесяти в

темном и столь же лоснящемся от грязи комбинезоне, надетом прямо на голое тело. Лысина с редкими клочьями светлых волос блестела от пота. Склонившись над пластиковым ведром, он поочередно вынимал детали, не спеша прочищая их смоченной в бензине щеткой.

– Пап? – нерешительно позвал Эд. Алекс встал у ворот, с любопытством заглядывая внутрь.

Толстяк обернулся, удивление на его мясистом красном лице сменилось ленивым презрительным равнодушием:

– А, это ты... Еще и друга привел?

– Ага. Знакомьтесь, это Леша. Алекс то есть. А это Петр Андреевич, – представил их друг другу Эдуард.

– Ну я дико рад знакомству с Лешей-Алексом, – усмехнулся мужчина, не сделав даже попытки приподняться, чтобы пожать руку Алексу. – Че надо-то?

Эд шмыгнул носом, оглядываясь, куда бы присесть. Он был готов к прохладному приему со стороны отца, но не к таким прямолинейным вопросам в лоб наподобие «че надо». Молодой человек испытывал растерянность, которая медленно, но неуклонно вытесняла глухое раздражение.

– Я хотел поговорить, – сказал он, так и не обнаружив подходящего места для сидения – настолько все вокруг было грязным и пыльным. А пачкать и без того засаленные давно не стиранные джинсы не хотелось.

Петр Андреевич вынул из ведра подшипник и посмотрел на него с таким видом, словно перед ним был редкой красоты алмаз:

– Ну?

– Дед же умер. Ну твой отец...

– Умер. Причем полгода назад, – кивнул толстяк, начиная чистить подшипник. – Был на похоронах?

Эдуард покачал головой.

– И чего ты хочешь? Помянуть старика? – спросил отец.

– После его смерти наверняка что-то осталось, – проговорил парень, глядя в сторону. Взгляд наткнулся на еще одно ведро, стоявшее у ворот, доверху заполненное пустыми банками из-под крепкого пива.

«Яблоко от яблони недалеко падает», – невесело усмехнулся Эд про себя.

– Думаю, что осталось, – согласился с сыном Петр Андреевич. – Дед в отличие от нас ерундой не маялся. Книжки всякие писал, картины да рукописи собирал... Да имущество свое приумножал. У родного отца бабки не тырил. Так-то, Эдик.

После неприятного напоминания щеки Эда стали пунцовыми. Странно, но ему было до сих пор стыдно перед отцом.

Между тем Петр Андреевич положил очищенный подшипник на верстак, застеленный рваными газетами, и снова полез в ведро.

– Ты ведь наследник, – выложил последний козырь Эдуард. У него зрело стойкое ощущение, что отец либо издевается над ним, либо окончательно отупел среди своих ржавых железок и не соображает, на что так усиленно он, его единственный сын, намекает, едва ли уже не тычет в лицо.

– Так вот оно что, – наконец протянул Петр Андреевич. Вытерев руки прямо об штаны комбинезона, он уставился на Эда. – Вот зачем ты приперся. Да еще и группу поддержки прихватил.

– Пап, перестань.

– Что у тебя с рожей, кстати? Где приложился? – осведомился отец. В голосе его не было и тени сочувствия, лишь сухое любопытство, и это еще больше разозлило Эдуарда, который и так с трудом держал себя в руках.

– Не важно. Упал неудачно, – нехотя пояснил он. – Так в чем проблема? Я не могу узнать у отца, почему мы не можем наследовать имущество деда? Пускай даже у него была другая семья?

– Ишь ты, вспомнил про кровные узы, – ухмыльнулся Петр Андреевич. – А когда дед, утыканный трубками, в госпитале валялся, ты хоть раз его навестил? Нет. С днем рождением хоть раз поздравил? С днем Победы? Нет.

– Какое это имеет зна... – начал Эдуард, но Петр Андреевич его перебил:

– Ты вылезаеть только тогда, когда у тебя самого припекать в одном месте начинается. Напомнить про твой финт с кредитом, когда я за тебя, дурака, почти два миллиона отдал?! А когда тебя с травкой в клубе взяли? А когда ты чужой «Майбах» разбил? Если бы не дед, впаяли бы тебе срок, и куковал бы ты сейчас на зоне!

– Ты теперь меня всю жизнь этим попрекать будешь? – глухо спросил Эдуард. Его кулаки совершенно бессознательно сжимались и разжимались. Он все меньше и меньше мог себя контролировать, ввергаясь все глубже в водоворот обид от отцовских упреков.

– Нет, только сегодня, – спокойно отозвался Петр Андреевич. Тыльной стороной ладони он смахнул пот с лысины, оставив на лбу грязное пятно. – Я тебе уже давно не нянька. А насчет родственных связей...

Он глубоко вздохнул, переведя дух, потом степенно продолжил:

– Так и быть, скажу тебе кое-что. Старик Протасов – не мой отец. Уж так вышло, что твоя бабуля загуляла с одним хахалем в далекие советские времена. Только старику об этом, конечно, не сказала. Этот хахаль, мой настоящий отец, сам пришел к Протасову и все рассказал. Мол, так и так, давай решать, я люблю вашу жену и прочая ерунда про любовь-морковь. Протасов ему морду набил, а потом к жене, значит. Ну та во всем призналась.

Эд ошеломленно смотрел на отца расширенными глазами.

– Че тарашисься? – криво улыбнулся Петр Андреевич. – Се ля ви, парень. В жизни еще не то бывает. Мать мне рассказала правду об отце, когда мне восемнадцать исполнилось. А до этого я Протасова считал предателем – как же, ушел и бросил нас! Как бы то ни было, после того случая старик вообще на мне крест поставил. Развелся и забыл о нас. Спасибо, хоть «двушку» в Бирюлево купил... Только он меня сразу предупредил – мол, ребята, больше ни на что не претендуйте. И в завещании я вас не буду указывать. Поэтому мы в пролете, паря. «Двушка» – это все, что дал нам старик.

– Которую ты потом разменял на «однушку», – машинально поправил Эдуард отца. Тот с нескрываемой злобой взглянул на него:

– Правильно. Разменял, чтобы за тебя, тупицу безмозглую, расплатиться.

– Только вот теперь мне жить негде! – взорвался Эдуард. – Ты бы еще коммуналку купил или конуру собачью!

– Почему негде? – хладнокровно ответил отец. – Ты прописан в Бирюлево, возвращайся в родные пенаты. Я тебя загружу работой, будешь мне в гараже помогать... Может, даже денег зарботаешь.

– Я лучше сдохну в канаве, чем жить с тобой, – процедил молодой человек. Веко подбитого глаза задергалось, лицо пошло красными пятнами.

– Ого. Да тебе в дурку надо, шизик, – заметил Петр Андреевич. – Давай-ка ты вали отсюда, пока я тебе второй бланш не поставил!

– Это все из-за тебя! – брызгая слюной, завизжал Эдуард, полностью теряя над собой контроль.

– Что?! – Напускное спокойствие Петра Андреевича словно ветром сдуло. Он тяжело поднялся, сверля взглядом беснующегося сына. – Что ты сказал, шенок?!

Он взмахнул толстой рукой, отвесив Эдуарду хлесткую пощечину. Голова парня дернулась, как у тряпичной куклы, и ему стоило усилий не потерять равновесие. Он прижал ладонь

к щеке – она полыхала, как если бы по ней прошлись раскаленным утюгом. От удара лопнула заживающая корочка на губе, показалась свежая кровь.

Эд толкнул в грудь отца, и тот, неуклюже взмахнув руками, отступил назад, задел ногой ведро с деталями.

– Эй, мужики, завязывайте! – подал голос Алекс. Он выглядел испуганным, но вмешаться в противостояние отца и сына не решился.

– Вот гаденыш, – бормотал Петр Андреевич, наклоняясь, чтобы нацепить на ступню слетевший шлепанец. Когда он поднял голову, Эдуард стоял прямо перед ним, с перекошенным от ярости лицом.

– Не дури, сы...

Договорить мужчина не успел – кулак Эда уже летел ему в лицо. Лопнула бровь, заливая кровью обвислую щеку Петра Андреевича. Издав хрюкающий звук, толстяк рухнул, ударившись затылком об угол ящика, на котором он еще минуту назад сидел.

От этого гулкового звука Алекс, до этого в безмолвном испуге взвизгивавший на схватку, вздрогнул и отпрянул назад.

Тяжело и прерывисто дыша, Эдуард навис над отцом, тучное тело которого распласталось посреди гаража. Глаза лежащего были широко раскрыты, в них застыло искреннее недоумение. Из-под головы медленно расплывалось темное пятно крови, превращая пыль в жидкую кашу.

Алекс опасливо приблизился к телу мужчины, наклонился, всматриваясь в его стекленевшие глаза. Потом, бледнея, повернулся к замершему Эдуарду:

– Ты его убил, бро...

Последний из друзей

Когда раздался звонок в дверь, Марина находилась на втором этаже. Видеофон располагался в холле, и она позвала сиделку, которая поливала цветы:

– Лена, посмотри, пожалуйста, кто к нам пожаловал!

– Конечно, Марина Андреевна.

Пока сиделка торопливо спускалась по ступенькам, Марина отодвинула занавеску, с беспокойством глядя на стальные ворота.

«Нежелательно, чтобы Сацивин приехал в отсутствие мамы», – озабоченно подумала она.

Этот скользкий тип звонил накануне, предупредив, что заедет за всеми необходимыми документами на собственность отца.

Спустя несколько секунд раздался громкий голос Елены:

– Марина Андреевна, это Суриков! Сказал, что договаривался с Бэллой Альбертовной о визите!

– Впусти его! – распорядилась Марина, направляя коляску в сторону лестницы. С губ Протасовой-младшей сорвался вздох облегчения. Сергей Михайлович Суриков возглавлял Союз писателей России, и он был частым гостем в их доме. Энергичный, подтянутый, с гордой спортивной осанкой, он максимум тянул на шестьдесят пять, и мало кто верил, что в прошлом году ветеран отметил восемьдесят шестой год. Волевое лицо пожилого мужчины всегда излучало непоколебимую уверенность, удивительным образом гармонирующую с олимпийским спокойствием. Он был одним из немногих, даже, пожалуй, единственным, кому семья Протасовых доверяла полностью и безгранично.

– Мариночка!

Суриков мягко обнял ее, и женщина уловила исходящий от него тонкий аромат одеколона.

– Я так рада вас видеть, Сергей Михайлович, – сказала Марина, и голос ее дрогнул.

– А где мама?

– Она у адвоката. Должна скоро вернуться... Давайте пройдем в гостиную! Чаю?

– Не откажусь, – согласился Суриков.

Марина кивнула застывшей в дверях сиделке, и та бесшумно умчалась на кухню.

Зайдя в просторное помещение, Сергей Михайлович сел за стол, сложив перед собой крупные руки с выпуклыми венами.

– Рассказывай, – произнес он, глядя Марине прямо в глаза.

С трудом сдерживая слезы, та в общих чертах передала суть происшедшего у нотариуса. Когда Протасова закончила, он некоторое время сидел неподвижно, хмуро глядя перед собой.

– Андрей не мог так поступить, – наконец сказал ветеран, поднимая глаза. Они пылали решимостью и негодованием. – Он любил вас! И всегда с теплотой отзывался о вас, поэтому и я ни на секунду не сомневаюсь, что все это подстроено!

– Мы тоже. Но... судя по документам, все сделано по закону, – с горечью вздохнула Марина.

Елена принесла чай и вазочку с конфетами, поставив перед пожилым мужчиной.

– Такое нельзя спускать с рук, – отрезал Сергей Михайлович. Он даже не посмотрел на чай. – Что собой представляет адвокат, к которому вы решили обратиться?

– Это Артемий Павлов. Папа был знаком с ним и всегда с уважением отзывался, когда вспоминал.

– Ну Павлов – это Павлов, – закивал Суриков, и в его голосе зазвучали нотки уважения. – За него само имя говорит, первоклассный адвокат! Но даже если Бэлла Альбертовна и Павлов договорятся и заключат соглашение, мы тоже не должны сидеть сложа руки!

В холле послышалась какая-то возня, и он умолк, видя, как вытянулось лицо Марины. В комнату заглянула взволнованная Елена:

– Марина Андреевна, там этот... Руслан Сацивин пришел!

Суриков сдвинул брови, поднимаясь из-за стола:

– Он что, своими ключами дверь открыл?!

– Своими, – с беспомощным видом ответила Протасова-младшая. – Понимаете, этот дом... он уже не наш. Мы с мамой можем только пользоваться...

– Доброго всем здравия! – воскликнул Сацивин, позвякивая связкой ключей в руке. – Какие люди! Сергей Михайлович, необычайно рад вас видеть!

Он протянул свою пухлую руку ветерану, но тот ее проигнорировал, мрачно взирая на незваного гостя. Сацивина это, впрочем, совершенно не обескуражило, и он переключил свое внимание на Марину:

– Ладно, перейдем к делу. Бэлла Альбертовна дома?

– Нет.

– Я предупредил ее, что заеду за бумагами.

– Мы помним, – сухо отозвалась Марина и опустила руки на колеса коляски. Подъехала к комоду, где в полиэтиленовом пакете лежала стопка документов.

– Погоди, Марина. Что это за бумаги? – подал голос Суриков.

– Вас это не касается, – ответил Сацивин, шагнув к Протасовой-младшей. – Пейте свой чай, Сергей Михайлович, пока он не остыл.

– Я обойдусь без ваших советов, – отрезал ветеран.

– Все в порядке, – с тоской в голосе сказала Марина. – Не нужно устраивать ссоры, прошу вас.

На скулах Сурикова заиграли желваки, и Сацивин это заметил.

– Не сотрите себе зубы, уважаемый, – хмыкнул он и с издевательской улыбкой забрал пакет с документами. – Надеюсь, там все?

– Все, – холодно ответила Марина.

– Чудесно. Напоследок одна просьба – из вещей, которые здесь находятся, ничего не продавайте, – сказал Сацивин. – Вы ведь понимаете, о чем речь? Я прекрасно осведомлен об имуществе, которое находится в доме, так что о любом его перемещении или отчуждении нам будет сразу известно. Я не имею в виду предметы гигиены и вашего гардероба...

– Послушайте, вы... – Лицо Сурикова потемнело от гнева.

Сацивин нагло смотрел ветерану прямо в глаза.

– Говорите быстрее, меня ждут дела, – процедил он, выходя в холл. Бросив короткий взгляд на побледневшую Марину, Сергей Михайлович последовал за ним.

– Вы что творите, нелюди? – с тихой яростью заговорил Суриков, приближаясь вплотную к Сацивину. – Вы обираете вдову писателя! Который прожил с ней пятьдесят лет! Вы считаете, мы поверим, что Протасов все завещал таким проходимцам, как вы? А не собственной жене и дочери?!

Толстяк глубоко вздохнул и посмотрел на пожилого мужчину с таким видом, словно имел дело с капризным ребенком.

– Все сказал, старик? – так же тихо произнес он, когда Суриков замолк. – Тогда слушай теперь меня и запоминай. Ты здесь вообще никто, так, пыль, которую ветер случайно в окно занес. Это теперь все мое, понимаешь? И эти две мумии будут тут жить ровно столько, сколько этого захочу я. Есть какие-то вопросы – вали в суд, оспаривай завещание. Если кто-то тебя вообще будет слушать.

Глаза Сергея Михайловича гневно вспыхнули.

– Ты думаешь, мы оставим все это? Мы дойдем до президента, если надо!

– Да хоть на небо залезь, – фыркнул Сацивин. – Только смотри, подштанники по пути не обгадь.

– Мерзавец!

Открыв дверь, Сацивин обернулся и, недобро сузив глаза, чуть слышно добавил:

– И еще... бесплатный совет тебе, старик. Не суйся в это дело, пожалеешь.

С этими словами он хлопнул дверью.

Грубейшее упущение

Проводив вдову Протасову, Артем вернулся в кабинет. Взял с журнального столика блокнот с записями, пробежался глазами по наспех набросанным схемам и пометкам, понятным лишь ему.

Дела о наследственных спорах, учитывая особую специфику юридической составляющей и безграничные уловки как враждующих между собой родственников, так и учуявших запах добычи всевозможных мошенников, следовало бы выделить в отдельную категорию. И, как свидетельствовала многолетняя практика Павлова, как минимум одна сторона всегда оставалась недовольна итоговым решением, полагая, что именно ее несправедливо обделили или обманули... Нередки были случаи, когда с точки зрения закона все формальности и нормы были соблюдены, но с этической стороны все переворачивалось с ног на голову.

Но, как известно, *Dura lex, sed lex* – закон суров, но это закон. Известный постулат, высеченный на скрижалях истоков правоведения, еще никто не отменял.

В памяти Артема всплыли события одного дела, которое вел его коллега. Умерла женщина. Остались двое детей, сын и дочь, у обоих дети. Сын жил отдельно, был в ссоре с матерью, и когда та сломала шейку бедра, ничем ей не помогал. Всю заботу о матери взяла на себя дочь пожилой женщины. Она ухаживала за мамой, покупала для нее лекарства, носилась по врачам. Однажды она попала в ДТП и скончалась, после чего ухаживать за бабушкой продолжила дочь погибшей. Так продолжалось несколько лет, пока женщина-инвалид не умерла. Мгновенно нарисовался сын покойной, заявивший о своих правах наследования. И он выиграл дело – все имущество умершей перешло к нему, поскольку с позиции закона он являлся наследником первой очереди. Неприязненные отношения между ним и покойной матерью не являются основанием отказа ему в этом праве, хотя чисто по-человечески внучка имеет куда больше моральных прав унаследовать или хотя бы разделить имущество бабушки. Конечно же, можно было попытаться признать этого сыночка недостойным наследником, но явных правонарушений тот не допускал и такой путь в итоге никто не избирал...

Павлов закрыл блокнот, положив его на стол, после чего заглянул в приемную:

– Оля, вызовите ко мне кого-нибудь из стажеров. У нас ведь сейчас парочка ребят практику проходят?

– Да, конечно, Артемий Андреевич, – ответила девушка.

Через три минуты в кабинет адвоката зашел долговязый парень в очках.

– Поручаю тебе ответственное задание, – глядя в глаза студенту, с серьезным видом сказал Павлов. Он протянул ему листок с записями. – Здесь данные людей, которые имеют отношение к некоему фонду «Центр помощи “Гарантия”». Твоя задача – собрать максимум информации, касающейся этих лиц. Особенно интересуют возможные конфликты по поводу наследства, судебные тяжбы и так далее. Когда будешь систематизировать, не забудь про источник. Если, конечно, будет что систематизировать, – добавил адвокат. – Задача ясна?

– Вполне.

– Тогда за дело.

Студент проворно ретировался, а Павлов сел за ноутбук. За пару минут он уточнил адрес и режим работы нотариуса Гурецкого, который открывал наследственное дело писателя Протасова.

«Что ж, самое время для знакомства», – подумал Артем, выходя из кабинета.

* * *

Ему повезло, и он успел застать нотариуса буквально в дверях. Тот о чем-то оживленно разговаривал с помощницей в приемном помещении и при появлении адвоката замер на полуслове.

– Сергей Сергеевич? – осведомился Артем, заходя внутрь. – Адвокат Павлов, городская Коллегия адвокатов.

– Добрый день, Артемий... – Нотариус замешкался. Даже невооруженным взглядом было видно, что он растерялся.

– Андреевич, – подсказал Павлов.

– Да-да, Андреевич... – Нотариус быстро взял себя в руки. – Чем могла заинтересовать наша скромная контора мэтра российского правоведения?

– У меня небольшое дело к вам, сможете уделить десять минут?

Гурецкий снова замялся, бросив мимолетный взгляд на часы, висевшие над дверью:

– Если откровенно, у меня назначена встреча...

– Десять минут, – настойчиво повторил Артем, и нотариус с неохотой сделал жест рукой в сторону кабинета:

– Пройдемте ко мне.

– Благодарю вас.

Сергей Сергеевич прикрыл дверь.

– Располагайтесь, – сказал он. Оглядев шеренгу стульев у стены, Артем выбрал ближайший и подвинул его вплотную к столу нотариуса.

– Я представляю интересы гражданки Протасовой, – начал он, вынимая из кожаной папки бумаги. – Полагаю, вы хорошо помните о закрытом завещании ее покойного супруга?

Помедлив, нотариус ответил:

– Разумеется. Как не помнить, если из моего кабинета ее увезла «Скорая помощь».

– Верно, увезла. Поскольку Бэлла Альбертовна и ее дочь-инвалид испытали настоящий шок после зачитывания завещания.

Нотариус пожал плечами:

– Все происходило при свидетелях в соответствии с нормами закона, Артемий Андреевич. Я не могу предугадать реакцию родственников на последнюю волю наследодателя, какая бы странная она ни была.

– Я готов поверить в процедуру оглашения последней воли умершего, – произнес Артем. – Но у моей доверительницы большие сомнения в подлинности самого завещания. Поскольку на руках вдовы покойного имелось другое завещание, составленное более десяти лет назад.

– Господин Павлов, людям свойственно менять свои решения, – заметил Гурецкий. Похоже, он понял, что беседа может затянуться более чем на десять минут и уже не поглядывал на часы. – В моей практике бывали случаи, когда наследодатель в течение полугода восемь раз переписывал завещание, вплоть до самой смерти.

– Я могу взглянуть на завещание? – спросил Павлов.

Нотариус медлил.

– У вас есть поручение от вдовы, ордер? – задал он вопрос, и Артем молча протянул ему документ.

Около минуты Гурецкий листал реестры, затем поднялся и, открыв сейф, вынул толстую папку. Выбрал завещание, открепил его от папки и положил его перед адвокатом.

– Вы помните события того дня? – изучая документ, поинтересовался Павлов. – Когда Протасов пришел для составления этого завещания?

Нотариус кашлянул, сцепив перед собой пальцы в «замок».

– Да, припоминаю. Бодрый такой старичок, – проговорил он, морща лоб. – Я дал ему образец, и он довольно быстро справился... еще постоянно шутил насчет возраста.

– Вы позволите?

Не дожидаясь ответа, Павлов сделал несколько снимков завещания на смартфон.

– Вам ничего не показалось странным? – спросил он. – Может, запомнились какие-то детали, на которые вы или ваша помощница непроизвольно обратили внимание? Состояние Протасова, как он себя вел? Общался ли он со свидетелями закрытого завещания?

– Нет, ничего такого припомнить не могу, – признался Гурецкий после непродолжительной паузы. – Вы должны сделать скидку на значительный промежуток времени, который прошел с тех пор. Другое дело, если бы вас интересовали события недельной давности.

– Это естественно, но тем не менее... Скажите, у вас установлены камеры видеонаблюдения?

– Да, конечно. Если не ошибаюсь, камеры есть на входе в нотариальную контору, на ресепшнере и в коридоре.

– И как долго хранятся записи?

– К чему вам это? – удивился нотариус.

– Было бы интересно узнать, сопровождал ли кто-нибудь Протасова.

– Мне сложно ответить на этот вопрос.

– Это и так понятно, – с легкой усмешкой проговорил Павлов. – По поводу свидетелей можете сказать? По установленным правилам завещатель должен был передать конверт с завещанием в присутствии двух свидетелей, – напомнил он.

– Безусловно, что и было выполнено. Но ничего особенного по этому поводу я вам тоже сообщить не могу. Обычные свидетели, обычная рутина... Их дееспособность была проверена, не сомневайтесь.

– Я бы хотел получить их данные.

Черты лица нотариуса заострились, он нахмурился.

– Артемий Андреевич, о чем вы собираетесь с ними говорить, позвольте осведомиться? Или вы сомневаетесь, что процедура подачи Протасовым завещания была проведена в полном соответствии с законом?

– Сергей Сергеевич, я слишком ценю свое и чужое время, – отозвался Артем. – Неужели вы всерьез полагаете, что я вас задерживаю сейчас из-за своей личной прихоти или каких-то пустяков?

– Да что случилось?!

– Я сам хочу узнать, что случилось. Как так произошло, что любящий муж и отец полностью проигнорировал интересы самых близких ему людей? С которыми прожил, заметьте, больше сорока лет! И завещал все имущество малознакомым личностям? При этом не поставив в известность своих родных? В результате вдова и дочь живут в доме, который по закону уже даже не является их собственностью! Иначе как предательством это не назовешь, что совершенно несвойственно покойному, которого, кстати, я знал лично.

– Это случается сплошь и рядом. – Нотариус резко развел руками и пожал плечами одновременно. Он явно начинал нервничать.

– Мне очень хочется верить, что вы ошибаетесь.

Гурецкий начал терять терпение:

– У вас что-то еще ко мне? Простите, но я уже начинаю опаздывать.

– Буквально две минуты. Сергей Сергеевич, вы же знали о том, что супруга, а ныне вдова покойного и его дочь вправе претендовать на обязательную долю в наследстве?

Нотариус молча смотрел на Артема, плотно сжав губы.

– Обе эти женщины являлись нетрудоспособными иждивенцами, которые проживали с наследодателем на одной жилплощади и находились на его материальном обеспечении, – чеканя каждое слово, сказал адвокат. – Все документы, подтверждающие сей факт, у меня имеются.

– Документы? – зачем-то переспросил Гурецкий, и Артем смерил его внимательным взглядом.

– Именно. Мне неловко напоминать вам как нотариусу о требованиях статьи семьдесят три Основ законодательства о нотариате. Поскольку там черным по белому написано, что выяснение круга лиц, имеющих право на обязательную долю в наследстве, является прямой обязанностью нотариуса. Тем более странно, что вы, Сергей Сергеевич, предпочли не обратить внимания на дочь умершего при зачитывании завещания... Марина Андреевна является инвалидом первой группы и всю жизнь передвигается в инвалидной коляске.

– Признаю, это серьезное упущение с нашей стороны, – вымолвил Гурецкий ничего не выражающим голосом.

Павлов поднялся со стула и развел руки в стороны:

– С последствиями такого упущения теперь предстоит разбираться суду, куда будет подано соответствующее исковое заявление.

Нотариус с трудом выдавил улыбку:

– Вы ведь адвокат, это ваша работа.

– Так вы предоставите мне данные свидетелей? Я все равно узнаю, но будет лучше, если вы начнете сотрудничать со мной по данному делу прямо сейчас.

Гурецкий повернулся к экрану монитора и спустя минуту распечатал лист с нужными сведениями. Забрав его, Павлов направился к двери.

– Благодарю за то, что уделили мне время.

Он вышел из кабинета, но нотариус, словно позабыв о предстоящей встрече, продолжал сидеть за столом, с тревогой глядя перед собой.

Случайный свидетель

Эдуард, как загипнотизированный, потрясенно смотрел на неподвижное тело отца. Багровая лужа крови вокруг его разбитой головы продолжала медленно расползаться, матово поблескивая в скудном освещении гаража.

– Он... умер? – неуверенно спросил он.

– По ходу, да, – откликнулся Алекс. Он выпрямился, глядя на застывшего друга с выражением панического страха, в котором проскальзывали искорки сочувствия. – Сходил, называется, к папочке на разговор. Вот тебе и хрен с морковкой, а не бабки и не бухло.

– Я не виноват! – вскрикнул Эдуард, отшатываясь назад. Его лицо стало белым, как полотно. – Ты сам видел, он споткнулся... И умер от того, что раскроил затылок об этот гробовый ящик! Я тут ни при чем!

– Ну да, – неопределенно произнес Алекс и потер небритый подбородок. – Только упал твой батя после того, как ты ему по роже заехал... Как ты это объяснишь ментам?

Эд почувствовал, как пол уходит у него из-под ног, и устало прислонился к стене.

– Это была необходимая самооборона, – промямлил он, едва ли сам веря собственным словам. – Он... он... я не хочу в тюрьму!

– Так, бро, давай на минуту возьми себя в руки, – велел Алекс. – Ментов мы вызвать не будем, это факт. У меня у самого условный срок за травку не закончился... Если стереть все отпечатки пальцев и незаметно свалить отсюда, у нас есть шанс.

– Шанс? – переспросил Эд, отчаянно пытаясь собрать все мысли воедино.

– Ага. Пересидим у тебя на хате или еще где – у меня есть где вписаться... Ты, кстати, теперь наследник, – напомнил Алекс, и Эдуарда передернуло.

– Хорош наследник, – выдавил он.

– А что? Хата у твоего папаши есть. Пускай «однушка» в Бирюлево, но все же... Лямов на пять потянет. Гараж, опять же...

– Какая «однушка»? – зло прошипел Эдуард. – С дуба рухнул?! Ты так говоришь, будто продать хату – все равно что косяк в переулке толкнуть! Мне еще в наследство вступить нужно, а Графу бабки надо сейчас отдавать!

Неожиданно снаружи послышался звук шагов, и спустя мгновение в дверном проеме замаячила фигура сутулого мужчины неряшливого вида:

– Что за шум, молодежь? А где Андреич?

На нем были старые мятые брюки и выцветшая до белизны армейская ветровка. Незнакомец шагнул вперед, намереваясь задать очередной вопрос, но тут его взор упал на раскинутые в стороны ноги умершего.

– Петр? – пробормотал случайный гость, шуря глаза. – Что с ним?!

Алекс метнул на Эдуарда короткий взгляд, и тот ощутил, как задрожало от холода. Выражение глаз его друга не предвещало ничего хорошего.

– Закрой гараж, – тихо приказал он Эдуарду, и тот без раздумий двинулся к воротам.

– Парни, вы че тут натворили?! – воскликнул мужчина.

– Он чуть не убил нас, – бесцветным голосом проговорил Алекс, медленно приближаясь к нему. – Помогите.

– Вы убили его? – словно не слыша парня, спросил тот.

Эд с грохотом захлопнул дверь, и сумерки в гараже сгустились.

Дельцы

Ярко-желтый Peugeot 406 с опознавательным логотипом такси миновал указатель Saint-Cloud, нырнул в небольшой тоннель, выдолбленный еще пару столетий назад, пронесся мимо крохотного кинотеатра, гольф-клуба и, наконец, остановился напротив уютного одноэтажного домика темно-пурпурного цвета, до самых окон утопавшего в свежей зелени.

Выйдя из такси, Есения улыбнулась водителю, и, поправив солнцезащитные очки, неприуженной походкой направилась к коттеджу. На ней были зауженные белоснежные брюки и оливкового цвета блейзер. Густые пшеничные волосы колыхал легкий ветерок, лаская лицо женщины. Есения выглядела сногшибательно и знала об этом.

Оказавшись на крыльце, она нажала на кнопку звонка, и где-то в недрах дома раздалась переливчатая трель соловья.

Дверь долго не открывали, и Есения, вздохнув, полезла в сумочку-клатч. Она уже набрала нужный номер, как за дверью послышались шаркающие шаги.

– Сеня, ты, что ли? – послышался хриплый мужской голос.

– Не угадал, – фыркнула женщина, поднимая очки на лоб. – Привет, Гена.

Дверь открылась, и на нее уставился невысокий мужчина лет пятидесяти в измятом чапане. Восточный халат, расшитый золотыми нитями, выглядел так, словно в нем спали. Каштановые волосы с проседью торчали в стороны, словно наэлектризованные, на впалой груди поблескивал серебряный крестик.

– Рад тебя видеть, сестренка, – широко улыбнулся хозяин дома.

Они обнялись, и Есения чмокнула брата в колющую щеку.

– Тебе надо проветрить дом. – Она наморщила нос, заходя внутрь.

– Можешь не снимать свои модные туфельки, Сеня, – бросил мужчина. – У меня легкий бардачок.

– Я и не собиралась дефилировать босиком в твоему хлеву, это раз, – отозвалась Есения. Она кинула брезгливый взгляд на треснувший пакет с мусором у входа, из прорехи которого высыпалась скорлупа от фисташек. – И во-вторых, перестань меня называть этим дебильным прозвищем. Как будто я собачонка какая-то!

– Ну тогда и ты меня Генрихом зови, – не остался в долгу брат. – Я тебе не крокодил какой-нибудь.

Они рассмеялись. Есения присела на заваленный одеждой диван, предварительно откинув в сторону мятые брюки.

– У тебя что, вечеринка вчера была?

Ее взор остановился на столе, на котором красовались пустой пакетик из-под фисташек, заляпанный жирными пальцами бокал и пустая бутылка «Джек Дэниэлз».

Генрих шумно зевнул и плюхнулся в плетеное кресло из ротанга.

– Наши вчера в четвертьфинал вышли, – сообщил он. Выудив из-за уха зубочистку, он сунул ее в рот.

– Весомый повод, – кивнула Есения, положив ногу на ногу и покачивая лакированной туфелькой. – Как говорят, причину и пластырь можно куда угодно приклеить.

– Будешь мне нотации читать?

– Делать мне больше нечего, – вздохнула Есения. – Проще ежа научить на барабанах стучать. Как твое горло? Почему ты сбежал из клиники?

Лицо Генриха стало кислым, будто он хлебнул свежавыжатого лимонного сока.

– Потому что я ненавижу врачей, – пояснил он, ковыряясь в зубах. – И ты это знаешь.

– Но у тебя подозрение на рак, – напомнила Есения. – Я понимаю твою неприязнь к людям в белых халатах, но ты должен пони...

– У меня не подозрение, а рак, – перебил Генрих сестру, и голос его прозвучал как-то жутко и обыденно одновременно, словно речь шла о пустяковой ранке на десне. – Вторая стадия. Анализы показали, что третья уже не за горами, и метастазы продолжают расти.

Есения опустила ногу на пол, в упор глядя на него.

– Тогда ты не должен сейчас сидеть тут, Гена.

– Не начинай все заново.

– Мне нужен живой и здоровый брат, а не дохлятина, едва держащаяся на ногах. Да еще с перегаром, – добавила она с плохо скрытым отвращением.

Генрих зашелся в хриплом кашляющем смехе.

– Узнаю свою сестренку, – воскликнул он, перекидывая зубочистку из одного уголка рта в другой. – Живой и здоровый, говоришь? Только забыла дополнить, для каких целей я тебе нужен живой и здоровый. Чтобы приносить прибыль! Так ведь, Сеня?

– Перестань.

– Да ладно, не обижайся, – хихикнул Генрих, примирительно поднимая ладони вверх. – Я все понимаю. Но чтобы ты отстала и больше не взрывала мне мозг, скажу – все под контролем. Через неделю я снова лягу в больницу, никуда от этого не денусь. Все это время буду принимать препараты. Ты довольна?

– Не вполне, ну да ладно. Тебя все равно не переубедишь.

– Как и тебя, – парировал Генрих. – А теперь давай к делу. Я нашел тебе хорошего клиента, он живет в Ницце.

Есения присвистнула.

– Это почти семьсот километров от Парижа, – заметила она.

– Ты совсем обленилась, – вздохнул Генрих. – Раньше ты могла полететь в Мексику на сомнительные переговоры, а на следующий день уже брать билет в Японию!

– То было раньше, – резонно ответила женщина. – Мы растем, растут и ставки. Так что там насчет клиента?

– Старый хрыч начал собирать марки раньше, чем научился ходить, – продолжил Генрих. – Он буквально купается в деньгах, как Скрудж МакДак, и покупает все подряд для обменного фонда, но особо тащится от экземпляров, выпущенных до Первой мировой войны! Ты ведь говорила, у тебя намечается богатый улов от российских филателистов? Можем хорошо заработать.

– Есть один на примете, – подтвердила Есения. – Хилый старичок, тоже всю жизнь собирал марки... Он сейчас в хосписе, а его коллеги по хобби, к счастью, уже все давно на том свете. Жива только супруга, которая собирается продавать коллекцию... Мои люди сейчас работают с ней, и буквально сегодня-завтра мы будем знать, что почем.

– Только не тяни, дорогая, – попросил Генрих. Он вынул зубочистку изо рта и, не найдя ей достойного места, аккуратно положил на подлокотник кресла. – Как у тебя дела?

– Все ровно. Сейчас пытаюсь одного клиента подцепить в Москве, какой-то старый пень, монеты собирал...

– А, ну-ну, так этого парня я тебе изначально подкинул!

– Совершенно верно. Так вот, на меня его внучок вышел, я так поняла, ничего в этом деле не соображающий. Наш контингент. Пока что волынку тянет, но я чувую, что дело пахнет хорошим наваром.

– А что из текучки? На стадии завершения? – поинтересовался Генрих.

– Из текущих дел сейчас на очереди картины и рукописи Протасова. Это советский писатель, я тебе уже говорила о нем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.